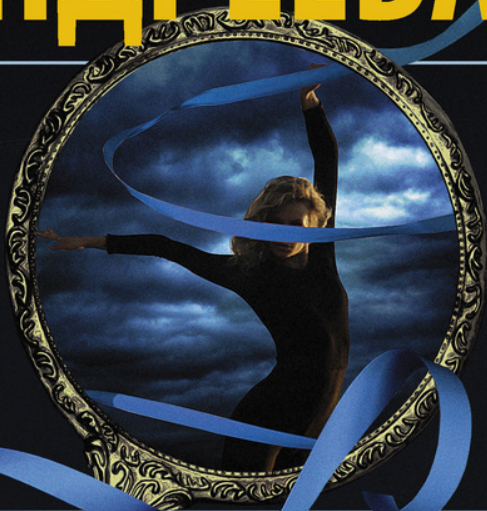

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

ЛЮБОВЬ И
СМЕРТЬ
•RU•

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

СЕЛФИ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Вячеславовна Андреева

Любовь и смерть. Селфи

Серия «Любовь и смерть.ru», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24148956

*Любовь и смерть. Селфи : роман / Наталья Андреева: АСТ; Москва;
2017*

ISBN 978-5-17-101198-7

Аннотация

Селфи – безобидное увлечение человека, которому в жизни не хватает внимания и одобрения. Все просто... Щелчок и... «я на фоне»...

Правда, фон порой становится более важным, чем безопасность. Но кто ж об этом задумывается! Разве что убийца, которому на руку такая одержимость.

Новый роман автора из серии «Любовь и смерть.ru».

Содержание

За месяц до главных событий	5
Глава 1	16
Глава 2	32
Глава 3	62
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Наталья Андреева

Любовь и смерть. Селфи

© Андреева Н.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*** * ***

За месяц до главных событий

Пока мчались по ночной Москве, у Маши от счастья дух захватывало и сладко сосало под ложечкой. Две симпатичных девчонки на белоснежной новенькой «мазде», одна рулит, другая «считает лайки». А их, хоть отбавляй! Кто заливчатски подмигивает, кто улыбается, рукой машет: привет, девчонки! Давайте с нами! А кто и хмурится, осуждающе качает головой. Откуда такая машина и такая наглость? На вид соплюшки совсем, и ведут себя нагло, по-пацански. Дорогу не уступают, подрезают, на светофоре проскакивают под мигающую стрелку. Веселится золотая молодежь, а у простого народа кредиты, неподъемные налоги, ипотека...

– Ой, Кристина, вон там видеокамера!

– Расслабься, папа заплатит.

В салоне гремит музыка, волнующе пахнет сигаретами с ментолом, голова слегка кружится, сердце стучит победное: «Нас не догонят!» Круто!

Совсем, как взрослые!

– Прикури, – Кристина кивает на пачку.

И Маша с победным видом прикуривает подружке сигарету.

– А сама?

– Что-то не хочется, – она отводит глаза.

– Боишься, мамка заругает?

– Нет, просто я уже выкурила две.

– Ха! Две! Хватит ломаться, кури!

Кристине хорошо, ей уже есть восемнадцать. И машина ее, законная, и водительские права имеются. А Маша glamorous диве нужна для компании. Яркая красота бронзовой от загара блондинки Кристины на фоне бледной подружки-тихони смотрится выигрышно. Кристина с модных курортов не вылезает, и этот загар у нее даже зимой не сходит. А Маше не до курортов, ей следующим летом надо выпускные экзамены сдавать и в институт поступать.

Кристина, которая усилиями своих богатых родителей перешла на второй курс престижного вуза смотрит на подружку-школьницу свысока, покровительственно. Учись, мол, как надо жить. Где я, а где ты. Что до Маши, за нее платят в дорогих кафе, да и в ночные клубы пускают безоговорочно, если с Кристиной. Можно и потерпеть насмешки. Такой дружбой, конечно, надо гордиться, но мать, по привычке, кинется обнюхивать, когда единственная дочь придет домой за полночь.

– Где шлялась?

– Мы гуляли с Кристиной.

– Ах, с Кристиной! А чем это от тебя пахнет? Опять курила, дрянь! А дальше что? Водка, наркотики? Потом на панель?

«Какая панель, мама?! Вечно ты преувеличиваешь! Мы просто ездили делать селфи. А место такое выбрали, чтобы

вышло круто. И время тоже. Кого сейчас удивишь фотками в спортзале? Да хоть на голове стой! Даже Мальдивы с Бали уже мало кому интересны. Ну, кто нынче не побывал на далеких океанских островах?» Хотя, она, Маша не была. Вообще ни разу за границу не выезжала. Потому что Машу Данилову, мать растит одна, и у нее нет лишних денег, все в обрез. Зато у Кристины родители богатые, и денег полно. Равно как и фоток с Мальдивских островов. Есть и Бали, и Маврикий, и Сейшелы. Да много чего есть. Кристина к своим восемнадцати годам весь мир объездила! И подписчиков у Кристины полно. Ее странички в соцсетях и в Инстаграм пользуются бешеной популярностью. Не то, что у Маши. Да, такой дружбой надо гордиться!

И Маша достает из пачки еще одну сигарету. Во рту едко, ведь это уже третья. А в желудок, будто ежа запихнули. Проклятая диета! Кристине хорошо, у нее фигура идеальная, дочка богатых родителей с персональным тренером занимается. И с конституцией повезло. Эх, знали бы ее мама с папой о том, что Кристина курит! Она себе все позволяет, наплевать на тренера. И все равно девчонка – супер! А у Маши лишний вес. Не хочется выглядеть совсем уж бледно рядом с такой подругой, потому и диета. На голодный желудок никотин тут же вызывает изжогу.

Сначала Машу мутит от выкуренной сигареты, а потом от страха. Вернее, это еще не страх, а только предчувствие, потому что пейзаж за окном резко меняется, но под ложеч-

кой все равно противно сосет. Эйфория прошла, как только они выехали за пределы столицы. Одно дело мчаться по ярко освещенной ночной Москве, и совсем другое выехать на загородное шоссе, да еще свернуть на проселок. Деревья все выше, огней все меньше, и они далеко не такие яркие, как в городе. Москва осталась позади.

– А поближе ничего нет? – ежится Маша, глядя на подругу.

– А ты что, боишься? – презрительно шурится Кристина.

– Нет, но... Какая разница, на каком кладбище сниматься?

– Разница есть, – в голосе у Кристины насмешка. – Мы ведь хотим, чтобы было круто? А Ваганьково – это не круто. Там даже ночью толпа. Там же сплошь знаменитости захоронены! Это все равно, что на Красной площади сниматься, для буклета. А мне надо, чтобы мороз по коже.

– Ну почему обязательно Ваганьково? – голос у Маши дрожит.

Она бы с удовольствием поехала на Ваганьковское кладбище, потому что там интересно. Да и на Красной площади снималась бы с удовольствием. Но Кристина говорит, что там одни китайцы и провинциалы, гости столицы. Уподобляться им означает опустить свое реноме ниже плинтуса. И потерять подписчиков. Поэтому они с Кристиной сейчас и мчатся за город. Поднимать ее реноме.

Маша ежится, глядя в окно. Кристина приглядела для

ночной съемки это старое кладбище, когда ездила с родителями на дачу. Загородный дом у Красильниковых километрах в сорока от Москвы, и дачей его можно назвать условно. Это настоящий дворец, который вполне годится для ПМЖ, и место престижное. Маша была там пару раз, и пришла в дикий восторг. Именно дикий, потому что тарасилась на все, будто абориген, только вчера научившийся добывать огонь при помощи деревянных палочек, тарасится на бензиновую зажигалку. Сколько же у людей денег! И сколько интересно, оказывается, на них можно купить!

Но Кристине подавай кладбище! Сначала она просто проезжала мимо, но как-то раз решила остановиться.

– Место заброшенное, – вздохнула рассказывала она сейчас Маше. – Многие могилы травой заросли. Деревья просто огромные! И жутко мрачно.

Маше все больше становилось не по себе. Какое-то сельское кладбище с покосившимися крестами, ржавыми оградами и вековыми деревьями. Как знать, кто там бродит? Может, бомжи? Или маньяки?

– Там есть такой крест... – продолжала восторгаться Кристина. – Он врос в дерево, представляешь? В березу. Прямо прошил ее насквозь. Смотрится классно! Я хочу сняться с ним в обнимку, с этим крестом.

– Но ведь ночью его будет плохо видно, – робко заикнулась Маша.

– У меня айфон последней модели. А ты свечки зажжешь.

В общем, нагонишь жути.

Жути на Машу и так уже нагнали. Одни ворота, у которых они остановились, чего стоили! Словно вход в преисподнюю. Сразу за воротами мрачное сооружение, похожее на склеп, вокруг него огромные деревья. Кроме них с Кристиной – ни одной машины. Вообще никого. Правильно: кто ж поедет ночью на кладбище?

Вдруг что-то ухнуло. Звук был жуткий, похожий на стон. Или на хохот мертвеца? Маша сжалась в комочек.

– Что, поджилки трясутся? – рассмеялась Кристина. – Дура, это же филин! Или сова?

Х...р его знает, я в них не разбираюсь. Пернатое, в общем. А ты думала, покойник?

Но Маша, которая знала подругу с раннего детства, прекрасно видела: и той не по себе. Это просто бравада. Отсюда и матерок. Для куражу.

– Давай домой поедем, а? – Маша умоляюще посмотрела на подругу.

– Раз уж приехали – надо отсняться по полной. Вперед! – и Кристина решительно направилась к воротам. Маша поплелась за ней, стараясь не смотреть на могилы.

Над воротами горел одинокий фонарь, там, в глубине, тоже светились редкие фонари. Их было так мало, что за воротами кладбище еще больше напоминало преисподнюю. Вот-вот из-за надгробной плиты выскочат черти и начнут свою пляску смерти вокруг перепуганных девчонок.

«Господи, и зачем я в это ввязалась?» – в ужасе думала Маша, пытаясь вспомнить хоть одну молитву. Когда-то мать заставила выучить три: «Отче наш», «Пресвятой Богородице» и молитву от болезни.

– Отче наш... отче наш... – стуча зубами, бормотала Маша. – Иже еси... еси... на небеси...

– Хватит! – оборвала ее Кристина. – Прекрати! Это все детские страхи. На-ка еще сигаретку.

Сигаретку Маше не хочется. Ей хочется домой, к маме. Кристина закурила сама и ткнула пальцем влево, в темноту:

– Вот там! Идем!

Облюбованная ею могила была метрах в десяти от главной дороги, заасфальтированной. Пришлось продирааться туда по густой траве, светя фонариком. Хорошо, что предусмотрительная Маша взяла его с собой! Ноги от обильной росы моментально промокли, руку пребольно обожгла крапива. А Кристина, словно обретя второе дыхание, упрямо лезла вперед, к могиле с вросшим в березу крестом. Наконец, они пришли.

– Доставай свечки, – велела Кристина. – Зажигай.

И деловито достала из кармана айфон. Маша торопливо скинула с плеч джинсовый рюкзачок. Поскорей бы с этим покончить!

Свечи расставили возле березы, полукругом. Ограда давно уже развалилась, крест насквозь проржавел. Сам могильный холмик сравнялся с землей так, что оставалось только

угадывать, где именно лежит покойник, вернее, его кости.

«Мужчина это был или женщина?» – некстати подумала Маша. А Кристина уже обнимала крест и давила пальцем на панель своего айфона последней модели.

– Супер! Класс! Это будет бомба! Машка, а ты где будешь сниматься?

Маша поняла, что в обнимку с чудо-крестом ей сняться не разрешат. Это трофей Кристины, а Маше придется поискать свой крест.

– Мне это все равно не поможет найти новых френдов, – вздохнула она. – Я так, за компанию.

– Ну, как хочешь, – Кристине, похоже, все равно. Она вошла в раж. – Пойдем еще поищем подходящую натуру!

Слава Богу, они выбрались на главную дорогу, где было светлее! Метрах в пяти горел фонарь, другой был еще дальше, а третий так далеко, что его свет терялся в глубокой влажной темноте. Ночью похолодало, а днем была жара, вот и выпала обильная роса. Листва на деревьях стала мокрой, скользкой, как змеиная кожа, а воздух сделался почти что по-осеннему сырым. Маша начала мерзнуть.

Кристина встала спиной к одной из старых надгробных плит и стала давить пальцем на айфон. Раз, другой, третий... Сказала:

– Потом отсортирую.

Маша, осмелившись, тоже сделала пару снимков. Получилось, конечно, не так круто, как у Кристины, но хоть что-то.

Селфи ночью, на заброшенном сельском кладбище! Да, это будет бомба! Все френды обзавидуются!

Хотя, одна могила свежая. Та, что за спиной у Кристины. Не такое уж оно и заброшенное, это кладбище. Маша приободрилась. Скоро фотосессия закончится и можно будет поехать домой. Мама хоть и поругает, но накормит вкусным борщом и даст сухую чистую одежду. Ноги совсем промокли, а футболка испачкалась.

– Что, освоилась? – покровительственно сказала Кристина. – Вот видишь, покойнички не кусаются. И не надо так трястись.

И в этот момент они услышали стук лопаты. Кто-то копал могилу, или... выбирался из могилы? И никакая это не лопата. Это мертвец остервенело отшвыривает комья земли, пытаясь выбраться из разбитого гроба. Вурдалак или ведьмак. Какой-нибудь черный колдун, которому забыли вогнать в грудь осиновый кол.

– Что это? – в ужасе спросила Маша.

– Н-не знаю, – запинаясь, пробормотала Кристина.

Они и в самом деле не понимали, что происходит. Но на кладбище они явно были не одни. Кристина, словно защищаясь, выставила вперед айфон и пару раз надавила на панель, включая камеру. Стук прекратился. На какое-то время преисподняя словно замерла. Тишина была зловещей, поистине могильной. А еще сырой, пахнувшей болотом и гнилыми досками. Подруги стояли, боясь пошевелиться.

– Показалось, – неуверенно сказала Кристина.

И тут раздался жуткий вой.

– У-у-у... – стонал кто-то.

Впереди, из свежей могилы поднималось что-то белое.

Оно стонало, колыхалось, и вместе с ним поднимался в воздух стоящий на холмике крест. Кристина взвизгнула, а у Маши от страха отнялся язык. Она могла только мычать.

– Мм-м-м...

– Бежим! – первой сообразила Кристина.

И они рванули к воротам. Им в спину несся жуткий вой, потом затрещали ветки.

– Он бежит за нами! Упырь!

Маша споткнулась и чуть не упала. От страха вцепилась в подругу, и та заорала:

– А-а-а! Отпусти!!!

Они на какой-то космической скорости подлетели к воротам. Им в спину несся зловещий хохот мертвеца. От страха Кристина не сразу смогла вставить ключ в замок зажигания, что до Маши, та дрожащими руками заблокировала дверь и в ужасе смотрела теперь в окно, в темноту. Но, похоже, упырь не мог выйти за кладбищенские ворота. Он стоял там, в темноте и скрежетал зубами. А еще грозил им кулаком. Или Маше так показалось от страха? Во всяком случае, то, *белое* колыхалось, выло и было похоже на сгусток боли и ненависти.

Наконец, Кристина справилась с нервами и завела мотор. Они поспешно отъехали от кладбища на главную дорогу.

– Ты видела, как он меня схватил? – стуча зубами, спросила Кристина.

«Это была я», – хотелось сказать Маше, но от страха она все еще не могла прийти в себя, поэтому кивнула. Какое-то время они ехали, молча, а когда впереди показалась залитая светом Москва, Маша, обретя, наконец, голос, спросила:

– Может, не надо выкладывать в «Инстаграм» эти снимки?

– Да ты что?! – возмутилась Кристина, которая тоже пришла в себя при виде столицы. – Зря мы что ли страдали? Подвергали свою молодую жизнь опасности? Да я прямо сегодня их и выложу! Как только до дома доберусь и приму душ!

– А если упырь нам отомстит?

– Как? Он же покойник!

– А если он выберется из могилы и обретет силу? Ты кино про Дракулу смотрела?

– Так то кино!

– А вот я боюсь, – поежилась Маша. – И снимки с кладбища выкладывать не буду.

– Ну и дура.

Глава 1

– Люба, я женюсь.

– Вот даже как... Извини, я хотела сказать: поздравляю, – опомнилась она. – Ну а мне-то ты зачем звонишь, Стас?

– Как это зачем? На свадьбу пригласить!

– Самохвалов, ты совсем обнаглел?! – ей захотелось швырнуть трубку, еле сдержалась. – Я как-никак была с тобой в близких отношениях!

– Вот потому мы и расстались, – хмыкнул он. – Нормальная баба сказала бы: мы, как-никак с тобой трахались. А ты: в близких отношениях.

– Женщина того типа, к которому лежит твое сердце, сказала бы «трахались». А я просто не твой тип. Но это вовсе не значит, что я ненормальная. В общем, так: к тебе на свадьбу я не пойду.

– Ну, Люба, пожалуйста... – заканючил он. – Я уже обещал, что ты придешь.

– Кому обещал?

– Своей будущей жене.

– И за каким я ей сдалась?

– Ты делаешь успехи, – вкрадчиво сказал Стас. – Почти уже материшься.

– Хватит подлизываться, говори по делу. Ни за что не поверю, что твоя будущая жена решила собрать за свадебным

столом все твои «трофеи».

– Ты права, – Самохвалов вздохнул. – Из моих бывших любовниц будешь только ты. И я не сказал Марине, что мы с тобой спали. Запомни: мы просто друзья. Познакомились, когда я расследовал убийство твоего мужа, потом помогали будущей телеведущей Людмиле Ивановой выжить в «Игре на вылет». И уже втроем вели журналистское расследование еще нескольких громких дел. Кстати, Людмилу я тоже хотел бы видеть на своей свадьбе.

– В качестве свадебного генерала? – хмыкнула Люба. И ехидно сказала: – Значит ты у нас телезвезда, Самохвалов. Ведушь журналистское расследование, дружбу водишь со знаменитостями. Ловко.

– Так ты придешь или нет? – Стас начал терять терпение, которое никогда не входило в число его достоинств.

– Карты на стол. Зачем я тебе?

– Видишь ли, у Марины есть младшая сестра. Которая, похоже, вляпалась в неприятную историю. Девочке срочно нужен психотерапевт.

– Сколько лет девочке? – подозрительно спросила Люба.

– Семнадцать. Денег у них немного, да и не хотелось бы обращаться абы к кому. Я прошу тебя помочь чисто по-дружески.

– Ну а конкретно? Что за история?

– Подробности при встрече. Клянусь, будет интересно! Ты ведь любишь всякие компьютерные загадки.

– Компьютерные?

– Речь идет о смертельном селфи. О фотках, которые убивают.

– Чего-чего?!

– Я сказал: селфи-убийцы. И еще: позвони Людмиле сама, а?

– Боишься, что она тебя пошлет?

– Да, – а вот честность всегда была среди его достоинств.

Он и взятки никогда не брал. Просто любил свою работу. Но из органов Стаса выперли за неумение соблюдать субординацию и держать язык за зубами. Самохвалов пристроился начальником службы безопасности в частную фирму, а когда та развалилась, получил отличную рекомендацию и перешел на ту же должность в строительную корпорацию. Где и зацепился. Насколько Люба была в курсе, Самохвалов стал теперь большим начальником, ему положили солидный оклад и особо не напрягали. Стас даже взял недавно квартиру в ипотеку. И теперь он женится. Что ж...

– Хорошо, – сдалась она. Люба никогда не могла сопротивляться напору Самохвалова и перед его наглостью пасовала. – Мы придем к тебе на свадьбу вместе с Людмилой.

– Спасибо! – искренне обрадовался он. – Люба, ты – человек! Жаль, что не умеешь готовить.

И она, не выдержав, все-таки швырнула трубку. Пока Люба злилась, пришла эсэмэска с адресом ресторана. В конце улыбочка и цветов. Живых цветов Самохвалов Любе нико-

гда не дарил. Или дарил? Во всяком случае, она этого уже не помнила.

Она вздохнула и позвонила лучшей подруге. Когда-то они с Апельсинчиком (школьное прозвище Людмилы) сидели за одной партой. После бурных житейских перипетий судьба буквально выбросила давнюю Любину подругу на гребень славы. Людмила как раз была сейчас на пике популярности: вела ток-шоу на одном из телевизионных каналов. Рейтинги были отличными, хотя Апельсинчик постоянно жаловалась:

– Ой, надо что-то придумать! Люба, надо что-то делать! Где мне взять убойный сюжет? Ой, подруга, пропадаю! Все уже приелось! Нужна бомба!

На Любины звонки подруга отвечала всегда, не взирая, на занятость. А если не могла ответить, то обязательно перезванивала. Сегодня Люська взяла трубку сразу:

– Приветик! Что-то случилось?

– Почему обязательно случилось? Хотя... Да, случилось.

Самохвалов женится.

– Вот сволочь! Или... Постой... Может, на тебе?

– Нет. Не на мне.

– И он тебе позвонил, чтобы об этом сказать?!

– Даже больше: он пригласил меня на свадьбу. – Люба прикрыла рукой трубку, чтобы не слышать эпитетов, которыми Люська наградила Стаса. Среди них были крайне неприличные, а сама Люба материться так и не научилась.

Выговорившись, подруга сказала:

– Сочувствую. Хочешь, приезжай ко мне. Вмажем. Напьемся в хлам, и тебе станет легче.

– Я в порядке. Да, Люсенька, на свадьбу мы пойдем вместе. Стас поручил это нелегкое дело мне: пригласить тебя на его свадьбу.

– Он что... – последовала еще одна убойная тирада в адрес мерзавца Самохвалова.

– Успокойся, – улыбнулась Люба. – Дослушай меня до конца. Я ему нужна в качестве психотерапевта. Вернее, не ему, а младшей сестре его будущей жены. Там какая-то история с селфи-убийцами.

– С чем, с чем?! – подруга удивилась так же, как недавно и Люба.

– Фотки, которые убивают. Подробности я не знаю, даже не спрашивай. Но Стас сказал, что это интересно. Ты же хотела убойный сюжет для своего ток-шоу?

– Ну, Самохвалов! Фантазия у него, конечно, работает. И еще один орган, который ты не ценишь.

– Люся!

– Вот-вот. Твоя беда в том, что ты фригидна. А Стас – он альфа-самец.

– Хорошо, я пойду одна, – сказала она сухо.

– Что ты, что ты! Я просто мечтаю выдать замуж тебя! А женится Самохвалов. Клянусь – я вытрясу из него все! Селфи-убийцы... Супер! Прямо в тему! Все просто помешались на этих селфи! А тут криминал! МВД уже выпустило памят-

ку о том, что селфи таит в себе опасность, если им чрезмерно увлечься. Уже больше сотни смертельных случаев. Мне прямо не терпится услышать подробности!

– Услышишь. В субботу. Встретимся у ресторана. В ЗАГС нам с тобой идти не обязательно, поедем прямо на банкет.

– О'кей! Я освобожусь часикам к восьми...

Когда они вошли в ресторан, гости уже собрались и свадебный банкет был в разгаре. Два первых тоста Люба с Апельсинчиком пропустили. Обе приехали на такси, свадьба как-никак. Хоть по бокалу вина, но за молодых придется выпить. Люба оделась скромно, но что называется со вкусом. Люська, как всегда блистала экстравагантностью. Увидев их, все оживились, а Самохвалов расцвел улыбкой. Он не был до конца уверен, что его бывшая любовница приедет, да еще и со своей знаменитой подругой. Но вместо «спасибо» Стас сказал:

– Где вы шатаетесь? Люба, я хочу, чтобы ты пообщалась с дамой, пока все трезвые.

– А ты не обнаглел, Самохвалов? – прошипела Люська, окинув его презрительным взглядом. Но буквально через минуту этот взгляд потеплел. – Красивому мужчине многое можно простить, – ткнула она Любу кулаком в бок. Та чуть не охнула: было чувствительно.

Стас и в самом деле выглядел сегодня шикарно. И вообще, деньги пошли ему на пользу. Люба еще помнила те вре-

мена, когда Самохвалов, тощий и вечно голодный, таскал за-тертые до дыр джинсы и потрепанные ветровки. У него даже куртки приличной не было, не то что костюма. А теперь Стас был не в чем-нибудь, а в «Бриони», и цвет ему шел. Самохвалов поправился, ребра уже не выпирали, и щеки не западали, отчего вид у него был вальяжный и преуспевающий. Но Любе ее бывший любовник таким не нравился. Познакомься они сейчас, ничего бы у них не вышло. Он стал типичным обывателем, а когда-то беспрестанно острил и трескал бутерброды с дешевой колбасой, запивая их «Жигулевским». И был чертовски обаятельным, несмотря на одежду «мейд ин Чайна» и вечное отсутствие денег.

– Здравствуй, Стас, – сказала она сдержанно и подставила ему щеку.

Облобызались по-дружески, у Любы и в самом деле сердце не дрогнуло.

– Прощу к столу, – широко улыбнулся жених, и сказал, обращаясь к гостям: – Моя боевая подруга Любовь Александровна, а эту даму, я полагаю, представлять не надо, – и он по-хозяйски положил руку на плечо Людмилы.

Все загалдели, а Люська «включила звезду». Люба знала, что лучшая подруга отнюдь не сноб, просто Стас и впрямь обнаглел.

– Извиняюсь, за опоздание, только что со съемок. Даже грим не успела снять...

– А о чем будет ваше следующее ток-шоу, Людмила?

– О! Это будет бомба! Впрочем, как и всегда...

Едва увидев невесту, Люба сразу все поняла. Живот уже невозможно было скрыть, да и лицо расплылось и покрылось пигментными пятнами. «Месяцев пять, – прикинула Люба. – Или даже шесть».

– Прямо какой-то беби-бум! – отреагировала на живот и Люська. – Если уж даже Самохвалов решил размножиться, то это все, конец света!

– А чем я хуже других? – услышал ее чуткий на ухо Стас. И потянулся к ним своей рюмкой: – Давайте выпьем за дружбу.

– Сначала за любовь, – прищурилась Люська и вдруг заорала: – Горько!

– Горько! – подхватили гости.

Самохвалову пришлось целоваться, причем так долго, что Люба невольно позлорадствовала. Небось, выпить хочется, а тут весь вечер на арене. Причем, коверным. Люба прекрасно знала, как Стас ненавидит все эти «мероприятия». С чего он вдруг решил, чтобы все было по-людски? И тут она поймала на себе настороженный взгляд. Напротив сидела дородная дама в бордовом платье, увенчанная, как короной, парадной прической. На пальцах у дамы сверкали перстни, в ушах переливались крупные серьги. Люба улыбнулась, чтобы снять напряжение, и потянулась к визави своим бокалом.

– А теперь слово теще! – гаркнул Самохвалов, который, судя по всему, роль тамады решил взять на себя. Дама в бор-

довом платье встала.

«Так вот кто инициатор, – повнимательней пригляделась к ней Люба. – Она ведь дочку замуж выдает. Значит, у Стаса теперь есть теща. Ну а где же моя клиентка?»

Она стала искать взглядом девочку, младшую сестру Марины. Впрочем, долго искать не пришлось. Обе дочери были похожи на мать. Отец вообще где-то затерялся. Сразу было понятно, что в новой семье Стаса царит матриархат. Самохвалов, конечно, этого не потерпит, но битва будет долгой и трудной. И тесть ему в этом не поможет, потому что он подкаблучник.

Пока теща Стаса говорила витиеватый тост, Люба внимательно разглядывала обеих сестер. Похоже, обе были флегмами. А Марина и до беременности точеной фигуркой видать не блистала, потому что ее младшей сестре семнадцать, а лишний вес налицо. Интересно, как это Самохвалов, любитель ярких красоток и бабник, запал на Марину? Или «гуляют» одних, а женятся совсем на других?

– Ну что, Александровна? – Люська опять ткнула ее в бок. – Каково тебе, а?

– Хватит пинаться! – рассердилась Люба. – Мы со Стасом расстались друзьями.

– Да я не о том. Ты на невесту-то посмотри. Никого не напоминает?

– А кого она мне должна напоминать?

– Господи, да она же на тебя похожа! Только лет на два-

дцать помоложе! Он точно идиот!

– Наверное, в отличие от меня она просто умеет готовить, – грустно пошутила Люба.

Стас, наконец, улучил минутку и подсел к ним.

– Я пока не вижу, что девочке нужен психотерапевт, – попеняла ему Люба. – По-моему, она спокойна, как удав.

– Он нужен моей теще. Алена и впрямь тормоз. Не понимает, во что вляпалась.

– И все-таки, Самохвалов, как тебя угораздило? – не удержалась Люська.

– А то ты, Иванова, не знаешь, как это бывает? – лицо его стало кислым. – Работали вместе.

– А! Служебный роман!

– Я начальник службы безопасности, она секретарша у шефа. Я, было, подумал, работает и в ночную, дело обычное. Но потом пригляделся и понял: ничего подобного. Утром на работу, вечером домой, как примерная девочка, в выходные с родителями, дома или на даче, близких подруг нет, так, знакомые. Сама скромность и чистота. А у шефа роман на стороне. И жена, и любовница, все в комплекте, только Марина к этому отношения не имеет.

– Ну, ты не удержался и... – Люська сделала выразительный жест рукой. – Осчастливил.

– А что мне жалко? – пожал плечами Стас. – Как по накатанной пошло. Сначала работа денежная появилась, потом квартира. Появилась квартира – появилась женщина. И бац!

Беременна.

– И ты решил совершить первый в жизни героический поступок, – хмыкнула Люба. – Повел ее в ЗАГС.

– Это мой первый ребенок, между прочим, – обиделся Стас.

– Ой, ли? – прищурилась Люська.

– Об остальных я не знаю, клянусь! А этот точно мой, потому что я у Марины первый и единственный, – сказал он с гордостью.

– Не зарекайся.

– Чего вы ко мне привязались? Мне между прочим уже сорок.

– За сорок, – поправила Люба. – А ей?

– Двадцать шесть.

– Разница в возрасте солидная. Не уверена, что Марина разделяет твои интересы.

– Ей сейчас не до этого. У нее токсокоз. Родит – я ей второго заделаю. Общие дети – общие интересы.

– Самохвалов – примерный семьянин, – хихикнула Люська. И не удержалась: – Конец света! Я, конечно, рада за тебя, Стасик, но хотелось бы о деле. Что там с селфи-убийцами? – деловито спросила она.

– Не на свадьбе же, – Стас оглянулся, ища глазами тещу. Та поймала его взгляд и подошла. – Знакомьтесь, – представил даму Стас: – Анастасия Петровна.

– Можно просто Настя, – улыбнулась та. – Мы ведь ровес-

ницы?

Люська с Любой переглянулись.

– Мой сын уж точно ровесник вашей дочери, – сказала Люська. – Я тоже рано родила.

– Вот как? – Анастасия Петровна явно обрадовалась. И села рядом с Апельсинчиком: – Я, было, подумала, что мой зять привирает. Откуда у него такие друзья? Известная телеведущая – настоящая звезда и врач-психотерапевт. Насколько я знаю, Стас раньше в милиции работал.

– Мама, я никогда не вру! – ударил себя кулаком в грудь Самохвалов. Та поморщилась на «маму». Если она и была старше своего зятя, то ненамного. Уж не на «маму» точно.

– Мы познакомились в больничной палате, – мстительно сказала Люська.

– Мама, вы плохого не подумайте, это был не дурдом, – рассмеялся Стас. Люба с удовольствием подумала, что чувство юмора у него осталось. Хоть что-то от прежнего Самохвалова, бессребреника и почти бродяги.

– А что тогда? Бандитская пуля? – нашлась и Анастасия Петровна.

– В точку попали! Эх, было время, эти пули так и свистели у меня над головой!

– Он пришел в больницу ко мне, – поставила все точки над «i» Люба.

– Дамы, я вас оставлю, – Стас поднялся. – Мне опять целоваться пора.

Гости и в самом деле хорошо поддали и опять орали:

– Горько!

Стас пошел на свое место жениха, а Марина встала, в ожидании него, нервно одергивая платье, которое топорщилось на животе. Невеста с женихом обнялись, и Стас со знанием дела принялся за поцелуи.

– Я от него, конечно, не в восторге, – вздохнула Анастасия Петровна. – Ведь он намного старше Марины. Но ведь и она далеко не красавица. Вы с моей дочерью, кстати, похожи, – она вопросительно посмотрела на Любу.

«Все она знает. Во всяком случае, догадывается», – подумала та и кивнула:

– Бывает.

– Я уж и не чаяла выдать Марину замуж. Когда ей двадцать пять исполнилось, подумала: ну все, старая дева. Мы-то рано замуж выходили, времена такие были. А вы, кстати, замужем? – она опять посмотрела на Любу.

– Нет. Я вдова.

– Ах, да... Стас что-то рассказывал. Сочувствую.

– Это было давно... Так что все-таки случилось с вашей младшей дочерью?

– История настолько странная, что в нее трудно поверить, – заволновалась Анастасия Петровна. – И начать надо бы издалека. Место для откровений не подходящее, – она оглянулась по сторонам.

В ресторане и впрямь становилось шумно. Они располо-

жились в банкетном зале, основной теперь тоже был набит под завязку. Гости хорошо выпили, закусили и рвались выплеснуть свое веселье на танцполе. Там уже зажигала какая-то поп-группа. Стас снял пиджак и ослабил узел модного итальянского галстука. «Неужели собирается зажечь? – покачала головой Люба. – Неисправим!»

– Вы ведь старше, – тихо сказала Анастасия Петровна. Люба увидела, что теща Стаса смотрит в ту же сторону. – Поэтому он на вас не женился?

– Что, простите?

– Бросьте. Боевая подруга. Ну, кто в это поверит? Да, наглости ему не занимать. Но и у меня нет выбора. Я готова принять любую помощь, а вы, как утверждает Стас, настоящий профессионал. «Игру на вылет» я не помню, а вот токшоу с вашим участием смотрю всегда, – она наконец-то перевела взгляд на притихшую Людмилу. – Было громкое дело: подростков доводили до суицида, используя социальные сети. Вы тогда раскрутили это, и получилось очень грамотно. Предупрежден, значит вооружен. У меня похожий случай. Только на этот раз селфи. За месяц – три смертельных случая.

– Да вы что?! – ахнула Людмила. Глаза у нее загорелись.

– А началось все с кладбища.

– Вот это да!

– Девчонки потащились туда ночью делать селфи, – Анастасия Петровна поморщилась. – Нет, Алены с ними не бы-

ло, – поспешно сказала она. – Но она в группе риска. Потому что Кристина с Машей – ее подруги. Они втроем повсюду ходят, так же, как и мы когда-то, их матери. Вернее, ходили, потому что неделю назад Кристина умерла.

– Семнадцатилетняя девочка? Отчего? – Люба с Апельсинчиком переглянулись.

– Она на год старше моей дочери. Кристине уже исполнилось восемнадцать. Вердикт следователя: несчастный случай. Уголовное дело даже не возбудили. Была только доследственная проверка. Я бы поверила в несчастный случай, если бы он был единичный, – Анастасия Петровна горько усмехнулась. – Поймите: я очень боюсь за свою дочь. Умоляю, Любовь Александровна, оторвите вы ее от этого селфи! Мне сказали, тут только психолог поможет. Или психотерапевт.

И тут в зале грохнуло: «На лабутенах-нах... и в восхитительных штанах»...

Народ взревел и кинулся на танцпол.

– Ничего не поделаешь: свадьба, – пытаюсь перекрычать музыку, сказала мать невесты. Люба достала визитку. И также громко сказала:

– Давайте встретимся завтра.

– Когда?!

– Завтра!

– Я поняла! А время?!

– Когда вам удобно?!

– Вечером!

– Хорошо! В семь! Приходите на прием в семь!

– Я хочу без Алены! Понимаете?! Посоветоваться!

– Хорошо! У меня в кабинете!

– Договорились!

– «На лабутенах-нах... И в восхитительных штанах...

Штанах...»

– Эх, черт! – Люська расправила плечи и притопнула ногой. – Мне, что ли, сплясать?

– А нам не пора? – Люба выразительно посмотрела на часы.

– А давай еще выпьем! Как-никак Самохвалов женится!

И они выпили. Потом Люба с трудом припоминала, как вытащила из ресторана азартную Люську. Та все упиралась и орала:

– Эх! Гулять так гулять!

Провожал их Стас, который тоже хорошо поддал. «Свободу ведь пропиваю!» Они втроем стояли, обнявшись, в ожидании такси. Самохвалов все лез целоваться, а Люба напоминала ему, что он сегодня женился и обращается не по адресу, а Люську дома ждет любимый муж. Который уже пять раз звонил. И вообще ей не нравятся блондины.

– Ну что, девчонки, раскрутим это дело? – спросил Стас, запихивая их, наконец, в такси.

– Запросто!

Вот так все это и началось. На лабутенах...

Глава 2

Уже к пяти вечера Люба освободилась. Летом народ предпочитал отдыхать и зарабатывать новые болячки, а не лечиться от старых и таскаться по больницам. Только разве срочно, в травмпункт. Шашлыки, курорты, дачи, обильные возлияния, экстремальные развлечения, неумеренные солнечные ванны. В стране, где шесть месяцев в году зима, а три – непонятно что, лето – это праздник. И надо отжечь так, чтобы зима не казалась слишком уж долгой. Поэтому в медицинском центре, где Люба вела прием, в августе было затишь.

Она некстати подумала, что Стас с молодой женой укатил сегодня в Крым. Сразу стало тоскливо. Ей-то поехать не с кем. Людмила занята на съемках, если и выкроит недельку-другую для отдыха, то у подруги семья. Муж, дочка, сын, а недавно и внук родился. Люська-то уже бабушка! Наверняка на отдых поедут все вместе. Мешаться им не хочется. И вообще, летом на юге жара. Сама Люба опять взяла отпуск в сентябре, чтобы народу было поменьше и солнце не так жгло. Еще одна причина, по которой они со Стасом разбежались. «Милая, отдыхать – это тусить. А в сентябре на юге одни пенсионеры... Меланома – это где? Если в мозгах, то тебе уж точно опасаться нечего... У меня давление всю жизнь сто двадцать на семьдесят, хоть у трезвого, хоть у пьяного. А

то ты не знаешь!» И прочие гадости. Хотя проблемы «в мозгах» как раз ему опасаться нечего. Во всех расследованиях, которые они вели, именно Люба была головой, а он только ногами. Но Самохвалов терпеть не может «упрямое бабье» и считает, что мир принадлежит мужчинам.

Ну и пусть! Пусть в сентябре отдыхают одни пенсионеры! Люба невольно почувствовала досаду. Почему, интересно, она успешно терапевтирует других и не может справиться с собственными комплексами?

Надо сказать, что Самохвалов молодец. Хорошо устроился! Спихнул тещу с ее проблемами на «боевую подругу», а сам укатил в Крым. И уж точно не собирается просидеть все две недели у юбки своей беременной жены. «Я только на минутку, посмотрю». «Прикинь, машина заглохла, а вокруг – никого!» «Кто пил? Я?! Да чтоб меня разорвало!» Марина с ним еще нахлебается. А если он срочно понадобится? Он как-никак, бывший мент, а теперь начальник службы безопасности крупной фирмы. У него люди, связи, деньги, машины и записывающая аппаратура.

– Как только начнут свистеть пули – я тут же вмешаюсь и все возьму под свой контроль! – заверил их с Людмилой Самохвалов сегодня перед отъездом. Подруги заскочили к нему на квартиру, где народ собрался на опохмел-пати. Ну и молодых проводить в аэропорт.

Апельсинчик недоверчиво хмыкнула, а Люба по привычке вздохнула. Неисправим! Расхлебывай теперь!

«Одной что ли на юг рвануть?» – подумала она, глядя в окно. Погода, как назло, была солнечной, и сидеть в кабинете, пусть даже с кондиционером особенно тоскливо. Чтобы отогнать неприятные мысли, Люба занялась делом. Решила подготовиться к визиту Анастасии Петровны.

О селфи Люба знала только то, что на нем помешана молодежь, школьники и студенты, особенно девушки. И что теперь по пляжу ходят торговцы не столько с мороженым и вареной кукурузой, сколько с палками для селфи. Наверное, это доходнее. Сама Люба фотографировалась редко. И уж точно готовилась к этому долго. А селфи ни разу еще не делала. Все-таки возраст, и фигура оставляет желать лучшего. Чем гордиться-то? А вот Люська селфи обожала. Оно понятно: звезда. И по поводу внешности подруга никогда не комплексовала.

– Любка, ты глянь, какие у меня умопомрачительно кривые ноги!

Или:

– С таким ростом или повеситься или податься в клоуны!

Она и подалась. В клоунессы. Но постепенно выросла в талантливую журналистку, телеведущую. Люба тяжело вздохнула и уткнулась в планшет. Надо работать!

Итак, сэлфи. Явление приобрело массовый характер года так с 2013-го. После того, как на 86-й церемонии вручения премии Оскар ведущая Эллиен Дедженерес вместе с актером Бредли Купером сняли селфи в компании многих звезд

Голливуда и его за сутки перепостили более трех миллионов пользователей. Направление к популярности было задано. Делай, как звезды, и у тебя тоже есть шанс! Хотя попытки селфи были и раньше. Но почему-то не цепляло. Наверное, из-за дороговизны аппаратуры и сложности процесса. Раньше сэлфи называлось фотопортретом, и многие знаменитости, в отличие от обычных людей имеющие и время в избытке и средства в достатке, фотографировали себя в зеркале, дабы оставить свое изображение потомкам. Если снимок не понравится, его всегда можно удалить. Можно долго тренироваться, выбирая выгодный ракурс и позу, подбирать фон, наряды и грим. Чужой человек не озаботится тем, как выглядит его натура, или озаботится, за деньги, но где гарантия, что обнарудут только хорошие снимки, а все плохие будут уничтожены? Бац – и всплыло. Кому-то из селебрити абсолютно на это наплевать, но есть и люди щепетильные. Особенно женщины.

Самый известный фотопортрет, это, пожалуй, снимок в зеркале княжны Анастасии, дочери последнего российского императора. Его можно назвать первым селфи тинейджера, потому что княжне на тот момент было тринадцать лет. Но это из истории.

Сэлфи вошло в моду так стремительно, что его не успели осудить или одобрить. Кто ж себя не любит? О себе любимом человек может говорить бесконечно, и собственные фото ему не надоедят никогда. Ведь это история его жизни.

Неповторимая, уникальная, достойная того, чтобы потомки ее узнали. Своего рода дневник. Когда-то, давным-давно, в те «доисторические» времена, когда еще не существовало Инстаграма и смартфонов, история писалась туда, в общую тетрадь в клетку. Или в линейку. Но сделать эту историю достоянием общественности было проблематично. Иное дело «Инстаграм», или страничка в «Фейсбуке» и «Одноклассниках». Заводи себе френдов и считай «классы» и «лайки». Если повезет, и ты придумаешь что-то необычное, из ряда вон выходящее, о тебе узнает весь мир.

Поэтому не удивительно, что вслед за модой на социальные сети пришла и мода на селфи. Одно логически вытекает из другого. Дневник – это ежедневные фото, а просить кого-то напрягает. Главное достоинство селфи – это простота. Достаточно вытянуть руку и нажать на кнопку. Хорошо бы, эта рука была подлиннее. И в камеру влезло бы побольше народу. А заодно собор Василия Блаженного или Эйфелева башня. Так появилась палка для селфи и появился «дакфейс».

Люба даже достала зеркало и сложила губы уточкой. Или же «бантиком». И тут же с досадой отбросила зеркало. Вид глупейший, особенно, когда тебе за сорок.

Все были уверены, что мода на селфи, как и любая другая мода, скоро пройдет. Но оно распространялось со стремительностью вирусной эпидемии. И если для одних грипп проходит без последствий, то для других бывает и со смер-

тельным исходом, если не лечиться и болезнь запустить. Так появилась статистика несчастных случаев при попытке сделать селфи.

Люба с интересом прочитала упомянутую Людмилой памятку МВД. «Опасно для жизни». Лекарство красиво упаковано, ничего не скажешь, но о смерти каждый почему-то думает: это случится не сегодня. Зато о славе наоборот: сегодня я могу стать знаменитым на весь мир. То, что может случиться сегодня, в приоритете, а о завтра я подумаю завтра.

Селфи прочно вошло в жизнь, и количество пользователей «Инстаграм» за последний год стремительно увеличилось. Явление селфи было невероятно популярным, и информации о нем в Инете очень много. Люба так увлеклась, что не заметила, как пролетели два часа. За это время она посмотрела кучу фоток и сделала для себя кое-какие выводы. Когда раздался стук в дверь, Люба невольно вздрогнула. Кто бы это мог быть? Потом опомнилась и посмотрела на часы. Крикнула:

– Да-да! Войдите!

Анастасия Петровна Галкина была точна. Сегодня, при дневном освещении Люба рассмотрела ее как следует. Выглядит на свой возраст, то есть как женщина, у которой дочка двадцати шести лет. За сестер их ни за что не примешь, хотя похожи. Галкина-старшая не красавица, но за собой следит, одевается дорого, и благодаря этому вид у дамы внуши-

тельный. Такой не хочется нахамить, оставить ее просьбу без внимания, пренебречь ответом на вопрос, хоть бы и самый простейший: «Как вам погода сегодня?»

Люба невольно улыбнулась, когда услышала:

– Как вам сегодня погода? Моя дочь явно прогадала, отправившись на юг. Если в Москве такая жара, то что же там, в Крыму?

– Там море, – ответила Люба, и Анастасия Петровна тоже улыбнулась.

Контакт есть. Люба гостеприимно предложила:

– Может, чайку? У нас ведь не прием, просто дружеская беседа. Вы боитесь, что Алена замкнется и перестанет вам доверять, если вы вдруг потащите ее к врачу?

– Стас ничуть не преувеличивал, когда вас нахваливал. – Анастасия Петровна села в кресло. – Чаю не надо, жарко, а вот водички я бы выпила.

– У меня морс, – Люба полезла в маленький холодильник, которым обзавелась, когда поняла, что на работе придется иногда перекусывать.

Она разлила по стаканам клюквенный морс и приготовилась слушать.

– Слава богу, у нас с Аленой доверительные отношения, – начала свой рассказ Анастасия Петровна. – Поэтому она и не поехала той ночью на кладбище. Я ей отсоветовала. Хотя моей дочери семнадцать, а это возраст, когда всю демонстрируют свою самостоятельность, Алена еще имеет привычку

отпрашиваться у мамы, если собирается вернуться домой за полночь. Машиной маме повезло меньше. Я уж не говорю о родителях Кристины... Можно я начну издалека? У вас есть время?

– Да, конечно, – кивнула Люба. – Вы у меня сегодня последний клиент. Простите, друг, раз у нас с вами доверительная беседа.

– Я очень надеюсь, что мы подружмся, – Анастасия Петровна еще раз улыбнулась. Приветливо. – Кстати, о дружбе. Когда-то мы были лучшими подругами... – сказала она после небольшой паузы. – Да что это я? Мы и сейчас подруги! Просто судьба у нас сложилась по-разному. У меня, у Клавы и у Оксаны. С Оксаной мы гораздо ближе, у нас общие интересы, мы часто перезваниваемся. А Клава держится особняком. Мы ровесницы, учились в одной школе, но в разных классах, хотя жили в одном дворе. Школа у нас была большая. А подругами мы стали, когда родители привели нас в секцию художественной гимнастики. Я сдалась через два года, – Анастасия Петровна улыбнулась, но теперь уже грустно. – Уже тогда было понятно, что моя проблема – лишний вес. Чтобы быть в форме, приходилось голодать. Дисциплина на сборах была железной. Ни конфетки, ни печеньица. Чего уж говорить о пирожных! Даже о мясе. Это ведь сплошные калории. Кому-то повезло с обменом веществ, и можно есть все что угодно. К примеру, Клава с Оксаной особо не страдали, Клавочка так вообще была прозрачной, хотя покушать

любила. А таких как я держали буквально на хлебе и воде. После второго голодного обморока моя мама сказала: «Все, Настя, хватит». И я не стала возражать. А вот девочки, Клава с Оксаной, за спортивную секцию зацепились. У обеих оказался талант, у Клавы поярче, зато Оксана отличалась упорством и терпением. У Клавы тогда было прозвище, – Анастасия Петровна невольно вздохнула. Любе даже показалось, с завистью, – Клаудиа Шиффер. Была тогда такая красавица-модель. Имя ее гремело. Она и сейчас снимается в рекламе, просто ей уже хорошо за сорок. Так вот Клава Кириллова была на нее удивительно похожа. Понятно, что на нее возлагали большие надежды. Такая внешность! Такой яркий талант! Она выступала индивидуально, а Оксана только в групповых упражнениях. Потом... – Анастасия Петровна вздохнула и потянулась к стакану с морсом. Люба терпеливо ждала. – Все закончилось для Клавы в один момент. Нелепая случайность: спортивная травма, причем, на ровном месте. То ли не размялась, то ли чрезмерно увлеклась. Падение – и серьезная травма бедра. Одна операция, другая. Сначала все надеялись, что обойдется. Возились с Клавочкой, устраивали в элитные санатории, в реабилитационные центры. Но правая нога все равно усыхала, становилась короче другой. Через год стало понятно, что в большой спорт Клаве Кирилловой уже не вернуться. А Оксана меж тем получила звание мастера спорта международного класса.

– Ого!

– Добилась своего. Клавде же в итоге дали третью группу инвалидности. Она замкнулась в себе и перестала общаться с бывшими подругами по команде. В это же время на одном из благотворительных концертов-аукционов Оксана познакомилась с Павлом Красильниковым. Не олигарх, но крепкий бизнесмен, мужчина со средствами, хотя, как говорится, на любителя. Пока Паша не обтесался, его можно было принять за бандита, за «братка». Он был старше Оксаны лет на пятнадцать, но ее это не смутило. Она бросила спорт и вышла за Красильникова замуж. Долго не могла забеременеть, сказались физические нагрузки во время занятий профессиональным спортом. Но в двадцать восемь Оксана Красильникова наконец-то родила, сама, хотя до этого были две неудачные попытки ЭКО, долгое лечение. Да чего только не было! Три года назад, кстати, Оксана родила и второго ребенка, сына. Она рискнула это сделать после сорока. И опять сама забеременела, без всяких искусственных оплодотворений. Она молодец! Я ею искренне восхищаюсь! До сих пор в прекрасной форме, уже вернулась к работе, похудела. Хотя во время беременности набрала прилично. Возраст есть возраст.

– А где она работает? – с интересом спросила Люба.

– О! У Красильниковых же фитнес-клуб! Очень модный и невероятно престижный. Наверняка вы о нем слышали. Оксана заместитель гендиректора, но, по сути, он и есть. Дела клуба Павла мало интересуют, он большой любитель футбо-

ла. А к тренажерам и всяким там единоборствам относится прохладно. К тому же у Красильникова есть другой бизнес, а клуб он считает игрушкой жены. Хотя эта игрушка приносит очень неплохие деньги, – Анастасия Петровна усмехнулась. – Оксана ведь не только финансами занимается, но и ведет групповые занятия. Я и сама к ней хожу. У меня как у близкой подруги бонусы и скидки.

– А ваша судьба как сложилась? Не завидуете подруге?

– Нет. Я главный бухгалтер. Контора солидная, у меня в подчинении человек десять. Зарабатываю неплохо, если бы еще и муж оказался человеком дельным... – она невольно вздохнула. – Но я Ваню не виню. Как говорится, каждому свое. У нас хорошая семья, дружная, две дочери, теперь вот внука ждем.

– Уже знаете, что будет мальчик? – улыбнулась Люба.

– Да... Так вот о детях: Марину я родила в девятнадцать, а вот Алену через год после того, как моя лучшая подруга Оксана тоже родила дочку, Кристину. Я тогда подумала, что прозвенел последний звоночек: двадцать девять. Оказалось, и после сорока можно родить. Но я не такая рискованная, как Оксана, и сила воли у меня не та, чтобы на диетах сидеть. Что касается Клавы... Характер у нее спортивный, она боец. Поэтому долго не могла смириться с инвалидностью и увечьем. В одном из санаториев Клава и познакомилась с Игорем Даниловым. Мы с Оксаной тогда обрадовались. Наконец-то и Клава выходит замуж! Хоть мы и не были ни в чем

перед ней виноваты, но все равно чувствовали неловкость. У нас-то все хорошо: работа, семья. А у нее пенсия по инвалидности и одинокие вечера в бабушкиной однушке-хрущевке. Мы пытались предлагать ей деньги, но Клава от любой помощи категорически отказывалась. У меня, мол, все хорошо. Государство ей, конечно, помогало, как бывшей спортсменке, но в девяностых всем пришлось туго. Но Клава гордая. Позвонила только, чтобы на свадьбу нас с Оксаной позвать. Народу пришло немного, в средствах они с Игорем были ограничены... Знаете, он очень хороший, – вдруг принялась оправдывать Клавиного мужа Анастасия Петровна. – Добрый, милый, покладистый, рукастый. Просто очень уж добрый. Чрезмерно. Вот он не боец. Всем готов помочь, все раздать.

– По-моему, замечательное качество, – осторожно сказала Люба.

– Да, но не в наше время. И не для мужчины, у которого жена – инвалид. За двоих ведь приходится работать. К тому же Клава сразу родила. Ей очень уж хотелось ребенка. Чтобы все было, как у людей...

– И чтобы подружки перестали смотреть на нее с жалостью.

– Может быть, – рассеянно сказала Анастасия Петровна. – Я об этом не думала. Мы с Оксаной просто порадовались тогда за Клаву. Я понятия не имею, почему Игорь от нее ушел!

– А он ушел? Бросил жену-инвалида и ребенка? Как-то не вяжется с вашим рассказом. Добрый, отзывчивый.

– Я же говорю: там что-то серьезное. А Игорь ушел, как настоящий мужчина, все оставил Клаве. И каждый месяц отдает ей ровно половину своей зарплаты. Хотя у него уже другая семья и еще один ребенок, сын. Но двадцать тысяч Клава получает от бывшего мужа ежемесячно, не смотря ни на что.

– Не густо. В Москве жизнь дорогая.

– Да, не густо, – согласилась Анастасия Петровна. – Но я уверена, что Игорь не утаивает ни копейки. Он не такой. Алименты, пенсия, зарплата... Клава не шикует, но и не бедствует.

– Она что, работает? Где?

– В том-то и дело. У Оксаны, в фитнес-клубе.

– Кем она может работать в фитнес-клубе, имея инвалидность? Как я поняла, она сильно хромает?

– Прихрамывает. Операции и долгое лечение все-таки дали результат. Клава работает... – Анастасия Петровна слегка замялась. – Гардеробщицей. Ну а что вы хотите? – тут же начала оправдываться она. – Какую работу Оксана еще могла ей предложить? На ресепшн работают двадцатилетние девочки, это ведь лицо клуба. Театр начинается с вешалки, а фитнес-клуб с ресепшн. В отдел продаж Клаву посадить? Она ведь инвалид. Мало двигается. Сильно располнела. Художественная гимнастика такая вещь... Бросишь заниматься, и тут же начинаются проблемы с фигурой. Ведь организм привык к чудовищным нагрузкам. Клава эти нагрузки давно уже «не выбирает». Вот вес и прибавляется. Выглядит она...

В общем, плохо выглядит. На все пятьдесят. Трудно поверить, что когда-то ее прозвали Клаудия Шиффер.

– А для гардероба она выглядит хорошо? – не удержалась Люба.

– Она сама туда попросилась.

– А как же гордость?

– Гордость убывает по мере того, как прибавляются годы.

Когда становится понятно, что ничего хорошего от жизни ждать уже не приходится, и надо брать, что дают. Маша подросла, ее надо одевать, учить. Клава не хочет, чтобы ее дочка была хуже других. Это ее единственная надежда. Репетиторы по английскому и китайскому, модные гаджеты, абонемент в престижный фитнес-клуб... На все это нужны деньги. Маше шестнадцать, ей на следующий год в институт поступать. Мать ее сватает на иняз. Сейчас в большой моде китайский, вот Клавина дочка им и увлеклась. Мать старается, тянет жилы, копейки считает, лишь бы дать достойное образование единственной, выстраданной дочери. Оксана, кстати, платит Клавдии больше, чем другим гардеробщицам. У них смена: три часа отдежурил – перерыв. Можно сходить в бассейн, поплавать. Или в тренажерный зал. Я не думаю, что в каком-нибудь другом месте Клаве будут столько платить. И так о ней заботиться.

– Мы с вами увлеклись рассказом о дружбе, – Люба опомнилась и посмотрела на часы. – Давайте все же к сути. В какую неприятную историю попали девочки?

– Да-да, – заторопилась Анастасия Петровна. – Все началось вроде бы с безобидного увлечения. С селфи. Заводилой у них всегда была Кристина. Она постарше, яркая блондинка, ну и семья Красильниковых очень обеспеченная. О Маше я уже сказала: она из неполной семьи. Мать инвалид, работает гардеробщицей. И внешне Маша мало похожа на мать, скорее, на Игоря. Что касается Алены, то вы ее видели, – Анастасия Петровна опять невольно вздохнула.

– Она, похоже, флегматик, – осторожно сказала Люба.

– Потому и не следит за собой, – в голосе у матери была откровенная досада. – Ей все по барабану. Кроме этого дурацкого селфи! – сказала она в сердцах. – Она понимает, что с такой внешностью делать ставку надо не на лицо и фигуру, а на антураж. Вот ее и затащили в эту группу.

– В какую группу? – с интересом спросила Люба.

– Экстремального селфи. У них есть странички в «Фейсбуке», «ВКонтакте», в «Инстаграме». Да везде. При желании вы легко их там найдете. В основном это подростки. Они ищут необычную натуру. Это все Кристина! Когда у человека все есть, он перестает этим дорожить. Подавай ему экстрим!

– Как же мать это допустила? Оксана?

– У нее маленький сын и работа. Кристину устроили в престижный вуз, купили ей машину, денег на карманные расходы дают в избытке... Господи, о чем это я! – спохватилась Анастасия Петровна. – Это ведь все в прошлом! Девоч-

ка умерла! И это ужасно!

– Как это случилось?

– Скажите, Любовь Александровна, я похожа на сумасшедшую?

– Странный вопрос. Нет, конечно!

– Я по профессии бухгалтер, я уже об этом упоминала, – Анастасия Петровна нервно тронула воротничок элегантной блузки. – Не верю ни в бога, ни в черта. Только в цифры. К гадалкам отродясь не ходила. Ко всяким там магам и колдунам. Но тут я теряюсь... Короче, поехали они ночью на кладбище. Алену мне удалось отговорить. Поэтому рассказываю со слов Маши. Они с Кристиной сделали селфи с каким-то крестом, потом отправились искать другую подходящую натуру. Дело было ночью, – Анастасия Петровна нервно сглотнула. – И вдруг из свежей могилы поднялся мертвец.

– Да вы что?!

– Представьте себе! Маша говорит, над могилой появилось что-то белое, потом крест повис в воздухе и поплыл к ним. А потом... Клавина дочь говорит, что он за ними гнался, упырь. И грозил кулаком. Мол, я до вас доберусь! Якобы он не смог выйти за кладбищенскую ограду. Силы не хватило.

– Какая чушь! – не выдержала Люба.

– Ха! Чушь! Это случилось месяц назад. За этот месяц погибли трое из группы экстремального селфи. Скажите мне, это тоже чушь?

– Кто умер? И как?

– Один парень разбился на мотоцикле. Буквально через три дня после того, как Маша с Кристиной побывали на кладбище. Пытался сделать селфи на бешеной скорости, обгоняя машины.

– В этом нет ничего удивительного. В том, что он отвлекся и не справился с управлением.

– Хорошо. Буквально через неделю после его смерти девятнадцатилетний парень пустил себе пулю в висок из папиного пистолета, делая все то же экстремальное селфи.

– Бывает. Я сегодня читала о подобном случае. Только там была девушка и травматический пистолет. А здесь, как я поняла, боевой?

– Да. А вы не находите это странным?

– Свидетели были?

– А как же! Все «несчастные случаи» запротоколированы. За мотоциклистом ехали еще трое. Их там целая банда. О самостреле с боевым оружием рассказали родители парня. Они уверяют, что патроны в доме были только холостые. Откуда в стволе взялся боевой, непонятно. Свидетельницей гибели Кристины была ее лучшая подруга Маша.

– Да-да, что там с Кристиной?

– Она хотела сесть в шпагат на подоконнике. В фитнес-клубе, на последнем этаже.

– А сколько их всего?

– Три. Но это здание нестандартное. Ведь там бассейн и

спортзал. Поэтому верхний этаж – это не то, что третий этаж в обычном панельном доме. Высота огромная! Там очень хорошее место. Вид на парк, на Москва-реку. Кристина хотела сделать панорамное фото.

– А как насчет шпагата? Девочка уверенно на нем сидела?

– Конечно! У нее ведь мама – мастер спорта по художественной гимнастике. Причем, международного класса.

– Это еще ни о чем не говорит.

– Это как раз говорит о многом. Кристина тоже занималась художественной гимнастикой. Просто у нее нет такой силы воли, как у Оксаны, ее матери. Я хотела сказать, не было, – тут же поправилась Анастасия Петровна.

– Или ей нет смысла упираться. Простите, не было. У нее ведь и так все имелось в избытке. Что бы ей дала какая-то медаль?

– Наверное, вы правы. И вот она сорвалась, когда пыталась открыть окно. Ей, видите ли, мешала рама. Кристина рванула ее, пошатнулась, не удержалась, и...

– А Маша была свидетельницей этого?

– Да. Она стояла в это время рядом. У нее даже есть последние фото Кристины.

– Они, наверное, имели бешеный успех?

– Ошеломляющий. У Кристины ведь много фоловеров.

– Кого, простите?

– Фоловеров. Раньше говорили фанатов. Я ведь стараюсь быть в курсе всех увлечений младшей дочери, все-таки пе-

реходный возраст. Я тоже у нее спросила: почему фоловеры? Зачем все эти новые слова, разве мало старых? Алена мне объяснила, что фоловеры в отличие от френдов не рассчитывают на ответные чувства. Вообще на внимание своего кумира. Это просто подписчики, которые тут же узнают о его новом посте в «Твиттере». Да и, наверное, о новых фото в «Инстаграме» тоже. Теперь все смешалось. Раньше был ЖЖ, потом «Твиттер», теперь все переключились на фото. Писать лень, да и умные мысли рожать трудно. Проще плодить фотки. Умное лицо ведь сделать проще, чем родить умную мысль. Я даже справилась в словаре. «Фоловер» от английского «следовать». Но последователи – это скучно. Не звучит. Сейчас много интересных слов появилось. Я стараюсь говорить с Аленой на ее языке.

«А она неглупая женщина», – с уважением подумала Люба. И спросила:

– С чего вы взяли, что Алене нужен психотерапевт? Я не заметила признаков невроза.

– Вы просто мало ее знаете! – с отчаянием сказала Анастасия Петровна. – У меня такое чувство, что над группой, в которой состоит моя дочь, навис злой рок. И смертью Кристины не ограничится. Маша говорит, что это мертвец, которого они разбудили на кладбище, мстит. Что он набирает силу. Мол, вселился в какое-то тело и сумел выйти за кладбищенские ворота. И теперь расправляется с теми, кто его потревожил, с их друзьями и близкими людьми, – Анастасия

Петровна невольно передернулась.

– Вот ей точно нужен психотерапевт. Вашей Маше.

– Она не моя, а Клавина. Ну а как еще объяснить все эти смерти?

– Гм-ммм... Шпагат на подоконнике на высоте метров пятнадцати... С панорамным видом на Москву... Ну а какая беда может поджидать вашу Алену?

– Видите ли, она увлекается релфи.

– Чем?!

– Это тоже, что и селфи, только фото с животными. Или с любимым человеком. Парня у Алены пока нет, а вот собака... Я почему и пришла одна. Предупредить. Для Алены это все равно, что спусковой крючок. Не вздумайте ругать ее собаку. Или критиковать. Сразу начнется истерика.

– А что за собака?

– Чау-чау. Зовут Басей. По собачьему паспорту он Басилевс, но в домашнем обиходе просто Бася.

– Постойте... Чау-чау. Это такой забавный плюшевый медвежонок... Помилуйте, какая же опасность может от него исходить?

– Ага. Вот и я так думала: плюшевый медвежонок, забава. А вы знаете, что в рейтинге самых опасных собак этот медвежонок занимает второе место? На первом питбуль. Но какой, простите, идиот купит ребенку бойцовскую собаку? Купили игрушку, как нам тогда казалось. Но у чау-чау непростой характер. Собака сама выбирает себе хозяина, осталь-

ных терпит. Мы купили Басю, когда Алене было десять. Она быстро наигралась, и собаку спихнули на Ваню.

– На вашего супруга?

– Да. Он с ним гулял, кормил, играл. Бася к моему мужу очень привязался, признал своим хозяином. Даже команды его выполняет, хотя чау-чау себе на уме, не очень-то поддаются дрессировке. А потом вдруг Алена увлеклась сначала селфи, а потом релфи. После того, как ее фото с Басей в обнимку набрало кучу лайков. И понеслось! Но собака не может предать хозяина, которого обожает. Басилевс Алenu только что терпит. А она такое себе позволяет! Экстремальные релфи с чау-чау! Наш Басик почти сорок килограммов весит! Вот я и боюсь, что кто-то нарочно разозлит собаку и... Случится несчастье.

– Но кто может ее разозлить?

– А кто подменил холостой патрон на боевой? Или подбил Кристину сесть на шпагат на огромной высоте?

– Я думаю, она сама, учитывая ее характер, – осторожно сказала Люба.

– Сама-то сама... Но там явно что-то было... Нестандартная ситуация... Ну, так вы беретесь за это дело или нет?

– Думаю, у меня нет выбора. С этим надо разбираться. С кладбищем, с собаками... С оружием, которое почему-то оказалось, снято с предохранителя и заряжено боевым патроном. С взбесившимся мотоциклом... Когда вы приведете Алenu?

– Давайте не будем откладывать. Мы скоро уезжаем в отпуск. Как только вернется Марина. Собаку надо с кем-то оставить.

Люба мигом представила себе, как Стас, который любит поваляться в постели, в шесть утра выгуливает огромного чау-чау, и пришла в восторг. Не Марину же с ее токсикозом спозаранку на улицу выгонять? Так тебе и надо, Самохвалов!

– Алена поступила в престижный институт. На днях вывесили приказ о зачислении, – продолжала меж тем Анастасия Петровна. – Девочку надо поощрить. Я ей обещала, что мы поедем в Европу, если она поступит в этот институт.

– Чем она будет заниматься?

– Финансами, разумеется. Старшую дочь я упустила. Секретарь-референт это, конечно, совсем не то, о чем я для нее мечтала. Хоть замуж, наконец-то, вышла! А вот за Алену я возьмусь всерьез. Дам ей отличное образование, помогу устроиться на престижную работу. Кое-какие связи у меня есть, – с воодушевлением заговорила женщина.

Любе пришлось ее прервать:

– Завтра вас устроит? Или послезавтра?

– Давайте послезавтра, тоже в семь. До отпуска я хочу с этим разобраться. И насчет оплаты... – Анастасия Петровна слегка замялась. – Я на ресепшн видела тарифы...

– Вас что-то не устраивает?

– Нет, что вы! Если вас устраивает... То есть, если вы не хотите дополнительную плату за... – она опять замялась.

– За сверхурочные? Нет, не хочу.

Любе показалось, что клиентка вздохнула с облегчением. Да, деньгами она швыряться не любит. У чау-чау хороший аппетит.

Расстались они по-дружески.

Люба пометила в своем блокноте: Кристина Красильникова, Маша Данилова и Алена Галкина. Группа фотографов-экстремалов. Найти их оказалось легко, благодаря Кристине. Смертельный шпагат вызвал в Инете бурю комментариев. Как всегда, интернет-сообщество разделилось на две части. Одни сочувствовали, искренне жалели Кристину и ее родителей, другие осуждали девушку и даже откровенно издевались. А «клакеры» подливали масла в огонь. Читая комментарии Люба всегда пыталась определить: где пользователь с его откровениями, а где за деньги или тролль. Есть еще тролли за деньги, есть мужчины, пишущие под женскими никами, и женщины, представляющиеся мужчинами. Раскрыть пост, фотографию, тему или какую-нибудь персону надо умеючи. И тут существуют целые технологии. Как психологу Любе это было особенно интересно. Информации море, а надо зазечь в этом море маяк. Все сюда! Реклама давно уже не работает, а что тогда работает?

Люба почему-то представляла себе Инет как забор вокруг огромной стройки. Любой может подбежать, анонимно написать матерное слово или гадость на своего врага, на чело-

века, которому завидует. И ничего за это не будет. А любители писать на заборах в нашей стране никогда не переведутся. Равно как и читатели всякого дерьма. Что до самой стройки, там много полезного и интересного. Там строится мегамаркет, где можно найти все, что только душа пожелает. И для жизни, и для работы. А за забором начали следить, неприличные надписи удалять, на некоторых участка вообще поставили охрану: мышь не проскочит. Но стройка слишком уж большая. И шатающуюся доску всегда можно сдвинуть, чтобы пролезть под покровом ночи на запретную территорию и там всласть похулиганить. Вот таким был для Любы Интернет, и теперь ей пришлось идти вдоль исписанного анонимами забора, попутно сортируя авторов и пытаюсь понять их мотивы. Работа сложная и неблагодарная.

Тема интересна, когда начинается грызня. Чем она яростней, тем больше комментариев, больше кликов и больше рекламодателей. Клики – это деньги. Нынче самый дорогой товар – внимание аудитории и отдельных ее персон. За это внимание идет яростная борьба. Сплошные «класс», «супер», «да, в точку, все так и есть» никого не интересуют. Это скучно. Поэтому не стоит кидаться в защиту своего кумира, когда на него пытаются наезжать. Скорее всего, он сам же за это и заплатил.

Но кому интересна гибель восемнадцатилетней девушки, чтобы раскручивать эту тему? А раскрутили ее мастерски! Тысячи комментов! Просто вал! Как только интерес затухал,

тут же появлялся пост типа: «Ну и дура! А сиськи ничего. Тут одна debilка написала, что девку жалко и надо провести флэш-моб у фитнес-клуба, возложить цветы и плюшевых мишек. Лучше пойдти в донорский пункт, сдай кровь, дура. Небось, тоже блондинка. Всему-то вас надо учить».

Сразу находились яростные защитники Кристины. И опять понеслась!

Знаменитые селфи с кладбища просто «облайкали». И перепостили бесcчетное количество раз. Чудо-крест и впрямь впечатлял. Борьба живого с мертвым, дерева с железом, слабости и силы. Но год за годом береза терпеливо гнула крест, а где не получалось, превращала его в скелет, обрастая мясом своего живучего тела. Они срослись и стали одним целым. И это дерево-крест обнимали руки прекрасной юной девушки. Кристина оказалась на редкость фотогеничной, недаром она так полюбила селфи. Распушенные белокурые волосы, огромные голубые глаза, пухлые губы. Словно ангел слетел с небес и обнял руками-крыльями символ вечной жизни. Natura того стоила, но не стоила жизни Кристины.

Люба терпеливо рассматривала снимки. В упыря она не поверила. И в нового Дракулу, который с каждым днем обретает силу и мстит своим обидчикам тоже. Потом Люба подумала, что Кристина выложила самые удачные снимки, но далеко не все. А где остальные? Удалила? Если так, то это осложняет задачу. А если нет? Если не удалила?

Она тяжело вздохнула, поняв, что придется пообщаться

с матерью погибшей девушки, с Оксаной. Им нужен айфон Кристины. Если только его не изъяла полиция в качестве вещественного доказательства. И Люба набрала номер лучшей подруги.

– Как дела? – бодро откликнулась Люська.

– Я не поздно?

– Нет, что ты! Ты ведь знаешь: я сова. Чего новенького?

– У меня сегодня была теща Стаса.

– И как? – сразу же оживилась Апельсинчик. – Тема убойная?

– Да. Нужна твоя помощь.

– Легко! Что надо делать?

– Нам надо поехать на кладбище.

– На то самое?! И чем мы там будем заниматься?

– Смотреть. Только поедем туда днем. Толку больше. И еще: надо войти в контакт с матерью Кристины. Мне нужен ее айфон.

– Ну, а какие-то мысли есть? Убийство или нет?

– Есть странности. Я пока еще только начала работать. У каждого из погибших подростков сотни фоток. Их все надо просмотреть. Это не один день.

– Это как с социальной сетью? Или с флешмобом? Кто-то воспользовался модным явлением, чтобы убрать своего врага. Человека, который мешает. А, Люба?

– Не дави на меня, – рассердилась Люба. – Мне бы еще узнать, кто за всем этим стоит...

– За чем *этим*?

– Раскручивают тему «самострел». На инет-сленге селфи еще называют «самострелом». По этому поводу уже полно мрачных шуток. Мол, название начинает себя оправдывать. И раскручивают тему мощно. Вложены большие деньги. Надо ведь нанять людей, которые раздуют пожар и будут постоянно подбрасывать в огонь дрова. Кому это надо и зачем?

– Боюсь, это закрытая информация. Тут только хакер может.

– Люся, а у тебя нет знакомого хакера? Вроде твой муж – продвинутый пользователь.

– Не настолько продвинутый, чтобы взломать Твиттер или Инстаграм. А вот у тебя есть такой хакер. Я бы даже сказала, суперхакер. Он может все.

– Ты это о ком? – напряглась Люба.

– О Леше Градове.

– Мы сто лет не общались. Я даже не знаю, где он, что с ним.

– Это как раз не проблема. Я ведь на телевидении работаю. Мои редакторы по гостям кого хошь достанут, даже изпод земли. Любого человека.

– Мне не очень хочется с ним общаться, – поежилась Люба.

– Брось! Сколько лет прошло?

– Есть вещи, которые...

– Ну, начала занудствовать! – резко оборвала ее Люська. –

Какая же ты, Любка, скучная. Мужик по тебе с ума сходил, ну напортачил малость, с кем не бывает. Перестарался.

– Напортачил?!

– Он хотел таким образом привлечь твое внимание. Ведь в твоей постели тогда, если ты еще помнишь, прочно обосновался Самохвалов. А с ним конкурировать трудно. У него пистолет, – ехидно сказала Люська.

– Самохвалов сейчас в Крыму, – Люба невольно вздохнула. – Пьет молодое вино и объедается персиками.

– Не завидуй. Я тебе завтра три кило привезу этих самых персиков. А насчет вина... Достанем. Хочешь – из самого Крыма привезут. Я ведь на телевидении работаю. В общем, так: я начинаю искать Градова. И не возражай. Когда мы едем на кладбище?

– Давай завтра. Послезавтра у меня Алена.

– ...?

– Любительница релфи, младшая сестра Марины. Мне надо подготовиться к ее визиту.

– Хорошо, – легко согласилась Люська. – Завтра так завтра. Давай встретимся у ворот, за которые не смог выйти упырь.

– Люся! Какой упырь?! Неужели ты в это веришь?!

– Я-то, может, и не верю, но народу, который поверит, – полно. Сюжет убойный – Дракула в двадцать первом веке! У нас, в Москве! Выпивает жизнь из своей жертвы через селфи! Инет на службе у темных сил!

– Замолчи! – не выдержала Люба. – Сначала надо во всем разобраться.

– Разберемся, – заверила ее подруга. И таинственно добавила: – Завтра в полдень.

«Забив стрелку», Люба немного расслабилась. Наверное, поэтому она и увидела то, на что раньше не обратила внимание. Весь вечер она посвятила селфи Кристины, а их было великое множество. Теперь, когда время близилось к полуночи, и Люба тоже приблизилась к финишу. К последним фотографиям Кристины, сделанным ее подругой Машей. Их было с десятков. Сначала Люба ничего не заподозрила. И только, пролистав фотографии, насторожилась.

Кристина на подоконнике. Садится на шпагат. Да, растяжка у нее, как у гимнастки. Такой формой не грех блеснуть. Вот Кристина на том же подоконнике в полный рост, пытается открыть окно: дергает за шпингалет. Раз, другой... И ей это удастся. Панорама Москвы, на ее фоне тоненькая фигурка девушки. А вот Кристина снова обернулась. Хороший снимок. Видно ее лицо. Глаза...

Люба невольно вздрогнула. Господи! И как она раньше не сообразила?!

Интуиция Анастасию Петровну Галкину, главного бухгалтера, не подвела. Несмотря на то, что она верит только в цифры. К большому счастью женщина забила тревогу. Потому, что, чем больше Люба глядела на последние снимки Кристины, тем больше убеждалась, – ее убили.

Люба даже знала теперь как.

Глава 3

«...Да за смиренное кладбище, где нынче крест и тень ветвей над бедной нянею моей», – невольно вспоминала Люба строчки из «Евгения Онегина», подъезжая к старому кладбищу. Вековые деревья, заброшенные могилы, тишь, прохлада, умиротворение...

Умиротворение... Она невольно вздрогнула, увидев у ворот толпу. И это заброшенное кладбище?! Куча машин, микроавтобус с эмблемой федерального телеканала, десятки зевак, которые разбрелись среди могил или пытаются пролезть к микрофону.

– Здесь последнее время творится форменное безобразие! – возмущалась дама в платье от «Шанель», тиская в руках дорогую лаковую сумочку. – Я требую наказать этих осквернителей могил!

– Да как ее накажешь, нечистую силу-то? – покачала головой сухонькая старушка в белом платке, повязанном по-крестьянски.

– Точно! Вурдалак проснулся! – загалдела молодежь, приехавшая сюда явно по наводке «Инстаграма». После фоток с крестом.

Люба едва нашла местечко, чтобы припарковаться. Где же Людмила? А, вот она! Берет интервью у старушки!

– Скажите, вы знахарка?

– А как же, милая. Травки вот пришла собирать. Знать, сила в этом месте, коли мертвец из могилы встал. Ко мне со всей округи люди приезжают. И даже из самой Москвы, – с гордостью сообщила бабуля, перебирая в сморщенных руках пучок трав. – Вот это чистотел, это зверобой, а это бессмертник... А то еще есть сон-трава. В ней великая сила. Только собирать ее надо с могилы ожившего мертвеца...

– Еще одна! – истерически взвизгнула дама в «Шанель». – Мой дедушка не вурдалак! Он нормальный человек, слышите вы?! Был.

– Разберемся, – кивнула Людмила. И тут заметила подругу. – А, Люба! Вот и ты!

– Я вижу, ты развила бурную деятельность, – сухо сказала она. – Я думала, ты одна приедешь. А не со съемочной группой.

– Фото с кладбища и рассказ Маши имеют огромный общественный резонанс. Мы не можем оставить без внимания эту тему. Я готовлю передачу о новом Дракуле.

– Мой дедушка не Дракула!

– А откуда на тебе тогда такие цацки? – ехидно сказала бабуля, ткнув пальцем в кольцо на шее у дамы.

– Это мне подарили!

– Нечистый, поди. Праведными трудами брыльянтов не наживешь.

– Помолчала бы, – сорвалась «внучка Дракулы». – Ты за свои травки такие бабки дерешь, что сама могла бы такие

«брыльянты» купить. Тебя вся округа знает! Твой дом в три этажа, с бассейном и сауной! Который ты на сына записала! И «гелендваген»!

– Это не мое! Я детям своим не судья! Спрашивать: откуда? – знахарка от волнения забыла про имидж и заговорила на языке мадам. Без «энтих» и «откудова». И Люба сразу поверила и в «гелендваген», и в трехэтажный особняк.

– А чье? Ты сюда зачем пришла? Услуги свои рекламировать?

– Да твой дед-упырище на всю округу прославился! Трех жен уморил! Миллионы наворовал! Мой дом в три этажа! Ты свои посчитай! Сама-то что тут делаешь? Покойничка пришла поведать? Не сбежал ли? А то наследство тю-тю!

– Я пришла искать справедливости, поскольку мне отказали в возбуждении уголовного дела!

– А что случилось? – с интересом спросила Людмила.

– Да вы посмотрите, в каком состоянии могила моего дед! На ней словно слоны топтались! Венки разбросаны, крест валяется! А в полиции сказали: ничего страшного, поправите. А что они сделали с могилой моей бабушки, эти циничные ублюдки? Затоптали цветник! Сломали ограду! Кто мне компенсирует затраты на восстановление?

– Видать, подрались дед с бабкой, – хмыкнули в толпе тинэйджеров. – Не захотела она, чтобы упырь рядом лежал. А может, он ее и правда того? Инициировал.

– Замолчите немедленно! – сжала кулаки дама в «Ша-

нель». – Что за дичь вы несете?!

– Дичь не дичь, а что-то здесь явно произошло, – задумчиво сказала Людмила. – Ну что ж, идемте на «место происшествия».

Люба вслед за камерой двинулась в глубину кладбища.

– Где ж загадочная могила-то? – удивленно стала оглядываться по сторонам Людмила.

– Да вот же она! – «внучка Дракулы» ткнула пальцем в рыжий холмик с аккуратно стоящими на нем венками. Земля здесь была – помесь глины с песком. Рыхлая и цвета ржавчины.

– Не вижу никаких следов воскрешения мертвеца!

– Вы что хотели, чтобы я оставила все в том же виде, как после нашествия этих варваров?! – возмутилась дама. – Конечно, я навела здесь порядок! Потому что здесь похоронены мои предки!

Люба со вздохом стала разглядывать могильную плиту с мутной фотографией.

– Да, здесь нечего снимать, – разочарованно протянула Людмила. – Что ж, идемте смотреть крест!

Экскурсия к вросшему в березу кресту не заняла много времени. Они нашли там свечные огарки и помятую траву. После трагической гибели Кристины здесь неоднократно побывали ее фанаты. Или, как сейчас говорят, фоловеры.

– Вот с этого места мы и начнем наше журналистское расследование! – с воодушевлением сказала Людмила. – Я вас

уверяю: это будет сенсация! Оставайтесь с нами! Берегите себя! С вами была я, Людмила Иванова!

– Да, материала-то для сенсации пока маловато, – сразу погасила улыбку она, выйдя из кадра. И махнула рукой оператору: – Все, закругляйтесь! Езжайте в студию, монтируйте. А я тут задержусь.

Люба поняла, что теперь ее выход. Она с грустью оглядела затоптанное кладбище. Какой уж тут покой! Какое умиротворение! Словно стадо бегемотов пробежало! Вот что значит пиар! Еще неделю назад никому и дела не было до этого креста и могилы «Дракулы»! А теперь все как с цепи сорвались!

– Люба, идем, – нетерпеливо позвала ее Люська. Отвела в сторонку и горячо зашептала на ухо: – Как думаешь, с чего начать?

– Начать надо с причины, по которой кто-то осквернил могилу, – сухо сказала Люба. – Девчонки что-то видели. Или кого-то. Возможно, засняли. Это был не мертвец, а вполне живой человек. Или люди. Я предлагаю поговорить с внучкой. С той женщиной, чьего деда теперь называют новым Дракулой.

– Это дело! – обрадовалась Люська. – Пошевелись! Она уходит!

И рванула за дамой в «Шанель» с воплем:

– Вы не хотели бы принять участие в моем ток-шоу?! Вас увидит и услышит вся страна!

Дама вздрогнула и остановилась. Когда подошла Людмила, «внучка Дракулы» довольно холодно сказала:

– Если я это и сделаю, то не ради славы, а ради моего покойного дедушки. Ради его памяти.

– Да-да, расскажите, что он был за человек.

– Если у вас есть время, я предпочла бы показать вам его архив.

Люба с Апельсинчиком переглянулись.

– У нас есть время? Да сколько угодно! – хором сказали они.

– Тогда езжайте за мной, – величественно кивнула дама.

Люська отпустила съемочную группу и лихо запрыгнула в Любину машину. «Внучка Дракулы» оседлала «лексус» и моргнула фарами – поехали.

– Опять мы с тобой идем по следу преступной группы! – с воодушевлением сказала Любе лучшая подруга. – Как в старые добрые времена!

– Поменьше пафоса, – поморщилась она. – Убийство Кристины должно быть последним в серии, и ради этого стоит постараться.

– Все-таки убийство?! – всплеснула руками Людмила.

– Надо уговорить мать Кристины на эксгумацию. Я теперь знаю, что искать.

– И что?

– Не беги впереди паровоза. Сначала с «Дракулой» разберемся.

Ехали они недолго.

«Вот в этом коттеджном поселке, должно быть, находится и особняк Красильниковых», – подумала Люба, разглядывая крыши за высокими заборами. Жить за городом, в таком вот элитном поселке, давно и прочно вошло в моду. Прописку при этом, разумеется, лучше было иметь московскую. Но жить в перенаселенном городе, намертво вставшем в огромных пробках, – себя не уважать. Если ты такой богатый и успешный, то почему тогда слушаешь, как над головой орут и носятся соседские дети? Демонстрация своей успешности – дело, конечно, накладное, но многие на это идут, влезая в огромные долги. Раньше продавали душу дьяволу, а теперь банку.

Судя по домам в поселке, он был относительно молодым. Минимализм в купе с хай-теком сменили пышное «барокко нулевых», как только стало понятно, что кризис затянулся. На смену вычурности и стилю «кто во что горазд» пришли сдержанность и типовое «лучше не высовываться – дольше не ототрут от кормушки».

– Раньше у нас был дом в деревне, – сказала хозяйка, гостеприимно распахивая ворота. – Но мой муж решил, что надо идти в ногу со временем. И дедушка с ним согласился. Этот дом гораздо больше и удобнее, чем наш старый, – с гордостью сказала она.

– Да-а-а... Впечатляет... – протянула Людмила, разглядывая трехэтажный особняк «Дракулы». Стиль «дерево и пу-

стога». Строгие чистые линии, большие окна, самые современные и дорогие отделочные материалы. – Метров триста, поди, да с гаком? Я имею в виду площадь вашего домика.

– Пятьсот.

– И большая у вас семья?

– Мы с мужем и дочь. Но она живет отдельно.

– И не тесно вам тут? – не удержалась Людмила, для которой квадратные метры, то бишь их нехватка всегда были большой проблемой.

– Это хорошее вложение денег, – пожала плечами хозяйка.

– Кстати, а как ваша фамилия? На памятнике я прочитала «Большакова Анна Семеновна». Это фамилия вашего деда?

– Да. А я Старкова. По мужу. Старкова Аграфена Дамировна.

– Господи, кто ж вас так? – опять не удержалась Люська.

– Дамир – это советское имя, так называемое революционное. Я вам все расскажу. Проходите в дом.

Через десять минут они чинно сидели в гостиной, листая фотоальбомы в пыльных сафьяновых переплетах. То и дело неслышно входила домработница, полная женщина лет пятидесяти, принося все новые угощения. В самом центре на хай-тековском столе в этой вполне современной гостиной, обставленной модной мебелью, красовался сияющий, как солнце, самовар. Причем на Любин взгляд, это был настоящий антиквариат. Не какая-нибудь аляповатая подделка

«под старину».

– И много у вас такого добра? – в третий раз не удержалась Люська, ткнув пальцем в самовар.

– Память о дедушке, – пояснила хозяйка Аграфена Дамировна. – Мой дед, Большаков Платон Кузьмич, ровесник революции, – сказала она с гордостью. – Он родился 25 октября семнадцатого года, в день, когда к власти пришли большевики.

– Так ведь красный день календаря – день седьмое ноября! Это я еще из детства помню! – вмешалась Люська.

– По старому стилю это 25 октября, – вздохнула Люба. Лучшая подруга знаниями никогда не блистала. – Значит, ваш дед прожил долгую жизнь, Аграфена Дамировна? Девяносто девять лет – это вам не шутки! Воевал, должно быть?

– О! Это отдельная страница его славной биографии! Ей посвящены целые тома, этой странице! Мой дед еще в этом мае прошел с другими ветеранами по Красной площади, когда был парад! Его ордена занимают почетное место в нашем семейном музее!

Лицо у Люськи сразу стало кислым. Она бы с удовольствием послушала про Дракулу, поскольку патристических передач на ТВ и без того хватало. И ведущих их знаменитостей тоже хватало. Правильных, хорошо воспитанных, красиво говорящих. Людмиле Ивановой, бывшей звезде скандального реалити-шоу, туда соваться не след.

Меж тем Аграфена Дамировна заливалась соловьем:

– Семья была купеческая, но Большаковы сразу поддержали новую власть. Фамилия-то какая! Большаковы! Почти Большевиковы! Мой отец тоже был партийцем, занимал большую должность. Его называли Дамиром, что означает «Да – мир!».

– Так Платон Кузьмич ваш дед по отцу? – зевнула Люська.

– Нет, по матери. К сожалению, мои родители умерли. Дед пережил всех.

– И своих трех жен, – тут же вставила Апельсинчик. – Вы расскажите лучше про них.

– Это к делу не относится, – сразу поскущнела Аграфена Дамировна. – Давайте лучше вспомним военные годы моего знаменитого предка...

Слава создателю, минут через десять зазвонил мобильник Аграфены Дамировны. Она извинилась и вышла из комнаты.

– Все это, конечно, хорошо, – мрачно сказала Люська, – военные подвиги и все такое. Вопрос: откуда бабки? Ты представляешь, Любонька, сколько все это стоит? – она выразительно обвела глазами гостиную. – Ровесник революции, ха! Чегой-то ни к кому в могилу не залезли, а к нему залезли!

– Может, его в орденах похоронили? – предположила Люба.

– Да ты что?! Тетка до денег жадная, сразу видать. А ордена – они денег стоят. Ну и само собой реликвии. Чтобы Аграфена, блин ее, Дамировна этакую ценность да в землю

закопала? Ни в жизнь не поверю!

– Так на чем я остановилась? – с воодушевлением сказала хозяйка, вернувшись в гостиную.

– На Байкало-Амурской магистрали, – мрачно сказала Люська, лаская взглядом старинный самовар. Ее еще не оставила мысль о закопанном кладе.

Они еле вырвались из цепких рук госпожи Старковой часа через два. Та все не отпускала и совала им все новые и новые альбомы.

– Материал, конечно, хороший, – вздохнула Людмила, садясь в машину, – но это явно не ко мне. И к убийству Кристины отношения не имеет. Ума не приложу: что теперь делать-то?

– А знаешь, что? – Люба на минуту задумалась. – Старкова сказала, что раньше они жили в деревне. Я бы наведалась в эту деревню. Послушала: а что люди-то говорят о Платоне Кузьмиче Большакове?

– И то! – обрадовалась подруга. – Какая же ты, Любка, умная! Понятно, внучка будет курить дедуле фимиам. Вон ей какое наследство отвалилось! – кивнула она на особняк Старковых – Большаковых. – Помнишь, что знахарка-то сказала? Упырище, мол, трех жен уморил, по всей округе дурная слава.

– У нее самой рыльце в пушку, у знахарки.

– Да кто здесь не без греха? – вздохнула Людмила, кивнув на высокий забор, мимо которого они ехали. – Понятное де-

ло, не трудами праведными все это нажито. Я хоть и на телевидении работаю, но мой дом гораздо скромнее. И семья у меня большая. А они вдвоем живут в пятистах квадратах! Во буржуи! Я уж не говорю о том, что работаю не разгибая спины, народ веселю.

– Ты давно уже не клоунесса.

– Ну, забавляю. Из кожи вон лезу, чтобы концы с концами свести. Или взять тебя...

– А что я?

– Высшее образование, всю жизнь работаешь, живешь скромно, а много денег скопила? Спорю: тебе и на одноэтажный дачный домик здесь не хватит.

– На одноэтажный хватит, не преувеличивай.

– Но такой дом, как у мадам Старковой, ты себе позволить не можешь?

– Такой не могу.

– То-то. Нет, не случайно к нему в могилу полезли. Это я тебе говорю. А у меня на сенсации нюх.

Люба сегодня невольно думала цитатами. Поутру было пушкинское «смирненное кладбище», теперь вот, подъезжая к деревне, где раньше жил Платон Кузьмич Большаков, Люба вспомнила старую советскую комедию. «Рим – город контрастов», как сказала управдом в исполнении блистательной Нонны Мордюковой, готовя лекцию о загранице.

– Россия – страна контрастов, – озвучила эту мысль Люба,

кивнув на покосившийся забор.

Только что они побывали в коттеджном поселке, который облюбовали для житья миллионеры. Где все было с иголочки, а на ценники в магазине явно набросили лишний ноль. И где цена поэтому была указана не за килограмм, а за сто грамм. Всего в нескольких километрах та же буханка хлеба стоила в десять раз меньше, дома были в два раза ниже, а асфальт в три раза жиже. В тех местах, где он еще остался. Люба была уверена, что те, которые живут в заповеднике для богатых, ни за хлебом, ни за колбасой сюда не ездят. Даже за водой на родник, предпочитают ее в магазине покупать. Хотя чего ж проще? Бери пустую канистру, подъезжай, наливай.

– Люся, давай остановимся. Водички родниковой наберем, – просительно сказала она.

– Некогда. Давай на обратном пути... Кого бы нам порасспросить? – все озиралась по сторонам подруга.

– Сначала спросим, где дом Платона Большакова.

– Правильно! Женщина! Эй! – отчаянно завопила Люська, высунувшись в окно.

Люба, поморщившись, притормозила. Ну что за друзья ей достались! Полная ее противоположность! Люська со Стасом друг друга стоят, просто удивительно, что постоянно собачатся! Одного ведь поля ягоды. «Женщина, эй!»

Что ж, сама таких выбрала. В тот день, когда позволила Люське скатать первый в жизни диктант, все и свершилось. Люба приготовилась извиняться за бесцеремонность лучшей

подруги. «Женщина, эй!» стояла на обочине, открыв рот, словно увидела привидение.

– Здрасьте! – выскочила из машины Люська. – Мы ищем дом Платона Большакова, девяностолетнего дедули, который недавно помер... Вы что, глухонемая?

– Господи! – ахнула, словно очнувшись, местная жительница. – Вы ж из кино!

– Вы смотрите мое ток-шоу? – расцвела Людмила. Популярность ей льстила.

– Я бы эту кикимору на скотный загнала! Три мильена в месяц ей мало, ты скажи! Вот куда власть-то смотрит?

– Погодите, вы о ком... – наморщила лоб известная телеведущая.

– О девке с Рублевки!

– А-а-а...

– Вы мне теперь скажите, чем кончилось-то? – вцепилась поклонница в Людмилу. – Вернулся к ней мужик или нет? Если вернулся, то дурак.

– Если честно, я не знаю.

– Как это не знаете?! Вы ж про них кино сняли!

– Не кино, а часовую телепрограмму. Мы не следим за судьбами наших героев. Не всегда, – поправилась Людмила. – Так где бывший дом Большаковых?

– Про него тоже будете снимать? – с любопытством спросила женщина.

– Если сюжет интересный, то да.

– Тогда вам к Иванычу. Он про Платошу книжку хотел писать. Да передумал.

– Иваныч? Это кто и где?

– Историк наш, – с уважением сказала женщина. – Ученый очень. Во-он его дом, – она махнула рукой куда-то влево.

– А зовут его как? Кого спросить-то?

– А Иваныча и спросите. А Большаковы, они на хуторе жили. На отшибе. Только дом тот продали уже. Там теперь все поломали. Магазин будут строить. А то мало их, магазинов! Нет чтобы поликлинику построить! За сорок километров ездим! Вот об этом и снимете! А вы девок каких-то нам суете непотребных! Нет чтобы о народе подумать!

– Спасибо! – Люська торопливо полезла обратно в машину.

– Так вернулся к ней мужик или нет, к той девке? – крикнула ей вслед поклонница телешоу.

– Вернулся, – кивнула Люська.

– Нет, – перебила ее Люба. – Не вернулся.

– И то, – с удовлетворением сказала женщина и побрела в магазин, покачивая авоськой.

– Ты-то почему знаешь? – зашипела на подругу Люська.

– А ты?

– Я *генерю* положительные эмоции. Семья – ячейка общества. Мы всегда за ее воссоединение.

– Ты *генеришь* суету. И чушь. Местами, – сжалилась Люба. – Да скажи ты женщине то, что она хочет услышать. Что

тебе – жалко? У нее и так жизнь не сахар. А какой-то девице с Рублевки три миллиона в месяц мало. Я помню этот сюжет. Тон был задан неверно, и не смотри на меня так. И вообще: здесь не стоит звездить.

– Ладно, не буду. Люба, нам надо найти какого-то Иваныча, – ничуть не обиделась на критику Люська. – Он историк. Говорят, книгу хотел писать про Большакова.

– А почему не написал?

– Вот это нам и надо выяснить... А ну стой.

Они притормозили у свежевыкрашенного зеленого забора. Калитку тоже недавно подновили, рядом стояла ладная скамеечка, на которой сидели две пожилые женщины.

– А Иваныча нам как найти? – крикнула Люська, опустив стекло.

– Никак с телевидения? – переглянулись пенсионерки. И тут же выдали вердикт: – Заслужил. Соседний дом, тот, что справа. Звонка нет, вы ему в калитку стукните. Дома он. В магазин с утра ходил. Но водку он не пьет, так что не беспокойтесь, дамочки. За хлебом ходил.

– И две пачки макарон.

– Соли кило.

– Да где там кило! Сахара да, кило. А соли-то полкила.

Пенсионерки заспорили, сколько соли купил Иваныч, а Люба поехала вперед, до другой калитки.

– Вот видишь, какая я популярная! – с гордостью сказала Люська. – Все смотрят мое ток-шоу!

Люба молча пожала плечами. Смотрят так смотрят. Краска на заборе кончалась аккурат на границе двух участков. На хилом штакетнике вокруг дома историка Иваныча ее давно уже съел дождь. Калитка держалась на одной петле, лавочки так и вовсе не было. Подруги вылезли из машины и Люська невольно вздохнула:

– Да уж, контраст так контраст.

– Ты держи калитку, а я в нее стукну. А то, боюсь, отвалится.

Стучать пришлось долго. Выглядели они при этом странно. Телезвезда старательно держала покосившуюся калитку, а Любовь Александровна Петрова интеллигентно выбивала морзянку на серой штакетине. Наконец в доме послышалось какое-то движение.

– Да вы входите, не заперто.

На крыльце, щурясь на свет, появился пожилой мужчина в трениках и клетчатой рубашке. Впрочем, все было чистое, хоть и полинявшее от многочисленных стирок.

– Иваныч это вы будете? – крикнула Люська, отпуская калитку.

– А вы, простите, по какому делу ко мне? – спросил пенсионер, поправляя очки с толстенными стеклами. На вид ему было лет семьдесят.

Подруги прошли на участок и остановились у крыльца. Иваныч с огромным удивлением уставился на яркие Люськины волосы, потом перевел взгляд на Любу.

– Мы с телевидения, – приветливо улыбнулась она. – Нам сказали, что вы историк.

– Ну, там, историк! – махнул он рукой. – Краевед. Так что извините, о войне с Наполеоном я вам ничего нового не расскажу.

– А нам не про Наполеона! Нам про Платона Большакова! – с энтузиазмом сказала Людмила.

– Про Платошу? – нахмурился Иваныч. – А вы для какой, простите, программы хотите снять сюжет? Для какого канала?

Люба с усмешкой посмотрела на подругу: ну что, телезвезда? Выкручивайся!

– Мы для ток-шоу, – затараторила та. – Последнее время на местном кладбище происходят загадочные события.

– Вы журналистка? – еще больше помрачнел пенсионер.

– Я ведущая этого ток-шоу.

– Не смотрю, – отрезал Иваныч. – Ничем помочь не могу, простите.

– Мы только что от Аграфены Старковой, – поспешно сказала Люба. – Она на вас жаловалась.

Апельсинчик посмотрела на нее с огромным удивлением: ты чего? Дамировна об этом ни слова не говорила! Но Иваныч живо отреагировал:

– Жаловалась? Вот даже как?

– Вы ведь не выполнили ее заказ, – продолжала Люба, доверяясь своей интуиции.

– Я все вернул до копейки! Весь аванс! Мне чужого не надо!

– Да мы видим, что вам не надо. – Люба со вздохом посмотрела на старый бревенчатый дом, крытый позеленевшим от времени шифером. – Вот и хотелось бы узнать правду. А то героем окажется вовсе не герой. И мы не только для ток-шоу собираем информацию. Погибла восемнадцатилетняя девушка, которая побывала на вашем кладбище и случайно стала свидетельницей какого-то преступления. Вторая девушка, ее подруга, пока, слава богу, жива. Нам надо узнать, что там произошло. Осквернили могилу Платона Большакова. Кто и почему это сделал? И почему убирает свидетелей?

– Я слышал, что на нашем деревенском кладбище неладное творится, – Иваныч посторонился. – Проходите в дом. Раз люди погибли, будем разбираться.

Люба вошла, слегка пригнувшись: притолока на входе в избу была низкой. Даже с Любиным средним ростом пришлось нагнуть голову. Раньше так строили: экономили тепло. Стены были толстые, бревенчатые, дверь тяжелая, дубовая, плотно пригнанная. Первое, на что натыкался взгляд, это беленная известкой печь. Настоящая русская печь, с лежанкой, со стоящими в ряд на шестке закопченными чугунами и сковородами.

– Ух, ты! – восторженно сказала Люська. – Да у вас тут раритетов! Продать еще не просили?

– И чугуны просили, и крынки. А особенно коромысло и прялку, – улыбнулся Иваныч. – В местный краеведческий музей отпишу, когда надобность отпадет.

Люба поняла, что «надобность» отпадет после похорон. Всеми вышеупомянутыми предметами Иваныч пользовался. В чугунах варил картошку и кашу, на коромысле носил воду с колодца. Своего на участке не было – дорого. «А мы гостинцев не захватили», – с досадой подумала Люба.

– Хотите чаю? – гостеприимно предложил хозяин. – У меня на травах, на родниковой воде. И варенье есть. В этом году клубники много было. И земляники в лесу. Такого варенья вы не купите.

– Чаю с земляничным вареньем? С удовольствием, – улыбнулась Люба.

– А как вас зовут? – спросила Люська, присаживаясь к столу, накрытому клетчатой, под цвет рубашки Иваныча клеенкой. – Я имею в виду имя и фамилию? Как к вам обращаться? А то Иваныч – как-то несолидно. Я вот Людмила. А это Люба, – кивнула она на подругу.

– Ну а я Иванычев Юрий Алексеевич, – хозяин церемонно поклонился.

– Так это прозвище – Иваныч! Не отчество!

– Я тут старожил. Считаю, полжизни в Иванычах хожу. Платоша, правда, постарше. Мне семьдесят семь, а ему девяносто девять стукнуло. До ста чуток не дожил.

– Так что у вас вышел за конфликт с Аграфеной Дамиров-

ной? – спросила Люба, когда закипел чайник. Иваныч разлил по чайным чашкам ароматную заварку и поставил перед гостями вазочку с земляничным вареньем.

– Видите ли, я краевед. – Хозяин сел напротив и поправил очки. – По образованию архивариус, сорок пять лет в музее проработал, в Москве. На автобусе ездил, потом на электричке. Тут недалеко, часа полтора. А когда вышел на пенсию, увлекся историей этого края. Живу я один, овдовел рано, да так и не женился снова. А детей Бог не послал.

– Вы верите в Бога? – удивилась Люба. Икон в доме не было, как она успела заметить.

– Раньше не верил, а теперь пора, – улыбнулся Иваныч. – С Богом труднее жить, но проще уходить. Господь ничто так не ценит, как раскаяние. Я, можно сказать, раскаялся в своем атеизме. Платоша-то покоя не нашел. Значит, есть Бог.

– Как вы его неуважительно – Платоша.

– А за что мне его уважать? – рассердился вдруг хозяин. – Я, когда Аграфена ко мне пришла, подумал: вот так удача! И к пенсии прибавку заработаю, и край свой прославлю. Благое дело. Душа прямо пела. Но недолго. Беда моя от излишней старательности. Взять бы мне Платошины архивы, да и написать эту книжку. А я копать начал. В дебри полез.

– Ну и что нарыли? – нетерпеливо спросила Люська.

– Кичиться им не надо бы, Большаковым, – поморщился Иваныч. Видимо на «нарыли». – Потому что все это липа, – по-простецки сказал он. – Вся их история. За уши притяну-

то. Начнем с того, что Большаковы, мол, сразу приняли сторону новой власти. Ничего подобного! Отец Платоши, Кузьма Большаков, ушел к белым вместе со своим братом. Купец был богатый, золотишко у него водилось. Поговаривают, перед уходом в Белую армию он у себя в саду горшок с золотыми червонцами закопал.

Люська заметно приободрилась. Клад – это дело! Юрий Алексеевич меж тем продолжал:

– Жена Кузьмы только-только родила, поэтому ее с младенцем братья Большаковы с собой не взяли. Понадеялись на родню. Только Татьяна и сама оказалась не промах. Когда муж с деверем сгнули, она тут же пристроилась к местному активисту Блямкину. Женщина была видная, одно слово купчиха! Я нашел в архиве ее фотографии. Тогда ценили не удобу, а дородность, статью. Потому как голод был в стране, и баба полная, белая была для тогдашних мужиков все равно что бочка меда для ос. Вы уж простите за такие подробности.

– Ничего, – кивнула Люба. – Вы очень интересно рассказываете.

– Яков Блямкин возглавил местную партийную ячейку, мужик был пронырливый, хитрющий. Не высовывался, рубаху на груди не рвал: да я за Родину, за партию! Тихой сапой пролез во власть, и с годами поднимался все выше и выше. На Татьяне он в итоге женился, видать, горшок с купеческим золотом вдова отыскала, но своих детей у них не было, и Блямкин усыновил Платошу. Фамилию ему, правда, оста-

вил. И на отчество не зарился. Кузьмич так Кузьмич. Но звал сыном и любил, как сына. Теперь насчет Платошиного героического прошлого. Вы уж простите, что я так горячусь, у меня отец с Великой Отечественной не вернулся. А дядя выжил, но пришел домой весь израненный. Лет десять сумел протянуть. Потому как здоровье было железное. Те, которые действительно воевали, они давно уже в могилах лежат. А Платошу папа-партиец пристроил в обоз. К хлебу да к спирту. Платоша с войны не ордена да медали привез, а трофейный немецкий шкаф, мотоцикл и кучу всякого барахла. Ордена ему потом навесили. Он из своего «героического» прошлого выжал все до капли. По школам ходил – соловьем заливался. Да мы под Сталинградом, да мы под Курском. Что до Сталинграда, то не был он там, я проверил. А на Курской дуге да, побывал. С поносом лег в госпиталь. Я сумел найти архивы. Платоша всем говорил, что был ранен. Но в медицинской карте из того госпиталя под Курском Платошин диагноз прописан в точности: дизентерия. Ни царапины Платоша на войне не получил, но во всех президиумах после нее посидел. Даже я, дурак, поверил. Орденов-то сколько! Да только не с войны они, эти ордена. Как опасность какая – так Платоша в госпиталь, то с простудой, то с поносом. Барахла он из Германии привез невесть сколько. Офицер ведь! Интендантских войск, но звездочки на погонах есть звездочки. И место под трофеи положено офицерское. – Юрий Алексеевич перевел дух.

– Как же вы все это раскопали? – удивилась Люба.

– Раскопал, потому что был большой скандал. К концу войны стали думать о будущем. Появились трофейные роты, бойцам разрешили отправлять домой посылки. Солдатам десять кило, офицерам двадцать. Только где бойцу успеть с посылкой-то? Ему воевать надо. А вот штабные разгулялись. Платоша через Блямкина с ними, как это говорится современным языком, скорешился. Он в своем обозе больше шелков да трофейных чулок с духами возил, а не фураж и продукты. Оголодавшие красноармейцы возмутились, приехала комиссия. Эти материалы я и нашел. Но Платошу Блямкин отмазал. И после победы положенный трофей интендант первого ранга Большаков все же получил: мотоцикл. Ценные призы давали тоже по ранжиру: солдатам фотоаппараты с аккордеонами, офицерам велосипеды с мотоциклами, ну а «мерседесы» разве что маршалам. Но Платоша, похоже, золотишком добрал, оно ведь места много не занимает. Таможенникам запрещено было осматривать возвращавшихся с фронта бойцов. Полагаю, Платоша много чего привез в своем вещмешке. А после войны отчим его женил.

– А правда, что у него было три жены? – загорелись глаза у Людмилы. – И всех он пережил?

– Правда, – кивнул Иваныч. – Первая девчонка совсем, из местных. Платоша на ней еще до войны женился. История эта грустная. Дуня Ермакова первая была на деревне красавица. Да и в городе не затерялась бы. Мать Дуняшу

по слухам от цыгана родила, отсюда и красота такая яркая, нездешняя. Вот Платоша на нее и запал. Татьяна, мать его, раскричалась, отчим, так тот вообще в бешенство пришел. Мне сестра старшая рассказывала, она это хорошо запомнила. Как Блямкины сюда приезжали, Дуняшину мать позорили и ее саму. Сестра меня на шестнадцать лет была постарше. Это случилось в сороковом. Они с Дуней были подружками, отсюда и такие подробности. Говорят, Большаков-младший Дуню силой взял, а потом расписался. Дуня за него замуж не хотела. Как она плакала! А потом, в сорок первом – война грянула. Он-то с войны вернулся, а она... – Юрий Алексеевич тяжело вздохнул. – Даже могилы ее теперь не найдешь. Хотя... Крест там стоял. А рядом береза росла.

Люба невольно вздрогнула. Они с Люськой переглянулись.

– Отчего же она умерла, такая молодая? – спросила Людмила.

– Кто знает? Война была. Голословно обвинять не стану, только сдается мне, Татьяна Большакова с Блямкиным постарались. Девчонка-то безотцовщина была, из голытьбы, только что красавица. А после возвращения с фронта Платоша взялся за ум и больше уже отчиму не перечил. Вторая его жена была дочкой первого секретаря обкома. Тот быстро в гору пошел, во время парадов на трибуне стоял, на Мавзолее. Так что Платоша не прогадал. Его карьера тоже в гору пошла. Только он все больше по гастрономам, а не по строй-

кам века. Как был обозником, так им и остался. Героическое прошлое он себе уже на пенсии нарисовал, когда ветеранов стало оставаться все меньше и меньше. И Платошиных «подвигов» никто уже не помнил. Что ж, партийцам тоже надо было кушать. Большаков недаром из купеческой семьи. Копеечку он считать умел и торговать умел. Ну и воровать, само собой. Сначала его Блямкин учил-прикрывал, потом тесть. Не учил конечно, но прикрывал, это точно.

– А рядом с которой женой его похоронили? – с интересом спросила Люба.

– А вот с этой, второй в одной могиле и похоронили, с Анной. Аграфена – их внучка. Единственная законная наследница. У Платоши с Анной была единственная дочь, мать Аграфены. Больше в браке детей Платоше Бог не послал. Третья жена появилась лет пять назад. Ему было девяносто четыре, а ей лет пятьдесят. Бабенка ушлая, из приезжих. С Украины, что ли. Говорят, в пенсионном фонде прямо охота идет на этих ветеранов. На данные о них. Пароли-явки-адреса. Большая пенсия, всевозможные льготы, квартиры... И при этом возраст, болезни. Перетерпи годок-другой, ухаживая за дряхлым стариком, и вот тебе наследство! Только не на таких нарвалась Полина-то. Она первой убралась, поперед Платоши.

– Что-то вокруг этих Большаковых женщины мрут, как мухи, – передернулась Люська.

– Все дело в наследстве. Аграфена своего не отдаст.

– Вы сказали: в браке детей больше Бог не послал. А что есть еще внебрачные?

– Есть. Еще одна дочь, – загадочно сказал Иваныч. – Только она с ба-а-льшими странностями.

– Расскажите, Юрий Алексеевич, – попросила Люба. Люська согласно кивнула: интересно.

– Платоше было лет семьдесят, когда его жена, Анна, тяжело заболела. А он был ходок известный. Очень любил женский пол. Ну и присмотрел себе молодку. Денег у него всегда было – куры не клюют. Я знаю о двух его московских квартирах, одна в центре, другая тоже в престижном районе. А кто его знает, сколько их на самом деле, этих квартир? От дел Платоша отошел лет в семьдесят, как раз перестройка началась, реформы всякие. Ну он и нырнул в тину. Всем тогда рулил Дамир, отец Аграфены. Убили его. В девяностых, во время бандитских разборок. Тогда много народу полегло.

– Выходит, Платон Кузьмич подставил зятя?

– Выходит. Года три Большаков жил тихо. А потом строиться начал. Да с размахом! Вскрыл, видать, кубышку-то. Так вот о дочке его внебрачной. Избенка ее матери рядом с Платошиными хоромами притулилась. А молодка ходила к Большаковым убираться да готовить. Анна-то слегла. В результате в семьдесят лет Платоша вновь стал отцом. Анна как узнала, так в больницу загремела. И больше уже оттуда не вышла. Приехала законная дочка, мать Аграфены. Устроила скандал. Вся в бабку свою была, в Татьяну. И стать та-

кая же: купеческая. В общем, выжили Платошину полюбовницу из деревни. Он ей, правда, отступного дал. Квартиру в Москве купил.

– Наведывался, наверное? – подмигнула Люська.

– Дочка-то его младшая была на похоронах. Значит, наведывался. Анфиса Платоновна не от мира сего. Она вроде юридической, материального не признает. Должно быть, потому и жива до сих пор. Полину-то Бог быстро к рукам прибрал, третью законную жену Большакова. Как только она к Платошинуму наследству подобралась, так и прибрал. А Анфиса живет, не тужит. В каком-то своем мире. В прошлом году мать схоронила. А теперь вот и отца. Ходили слухи... Но чур меня не выдавать. И доказательств никаких нет, ни у меня, ни у других... – Иваныч вздохнул и замолчал.

– Говорите, не томите, Юрий Алексеевич! – взмолились подруги. – Интересно же!

– Платоша за свою жизнь много добра накопил. Человек он был старой закалки, банкам не очень-то доверял. Ну а куда их вкладывать, деньги? По слухам, как и отец его, купец Кузьма Большаков, Платоша золотишко очень уважал. И бриллианты. Аграфена вон вся ими увешанная, что новогодняя елка. Ей они от матери достались. Сдается мне, и другую свою дочку Платоша не обижал. Цацки и ей дарил. соседке моей, Семеновне, которая на похоронах была, показалось, будто Анфиса что-то сунула в руку отцу, перед тем как гроб заколотили.

– Да вы что?! – ахнули Люба с Людмилой.

– Но это только слухи, – предупредил Юрий Алексеевич. – Аграфена-то в этот момент слезы лила. Притворные или нет, но выглядело убедительно. Как все говорят. Рыдала на груди у мужа. Анфиса прощаться подходила последней. Нагнулась, отца в лоб поцеловала, прошептала что-то, и прощальный подарок в руку вложила. А потом сказала: «Заколачивайте». У Семеновны глаз зоркий. Они потом все эти «мероприятия» на своих «заседаниях» по косточкам разбирают. Вот она и смотрит в оба, дабы чего не пропустить.

– Кому еще Семеновна это рассказала? – напряженно спросила Люба.

– Да всем. Они вон целыми днями на лавочке сидят. Сериалы посмотрят – и сплетничать. Семеновна со старшим сыном живет, да с внуками. Они с хозяйством управляют, а бабке делать особо нечего. Вот и собирает сплетни по округе. И ни одного «мероприятия» не пропускает: ни именин, ни похорон. Что до свадеб, они у нас редко. Молодежь в деревне не задерживается.

– Что бы это могло быть, Юрий Алексеевич? – заволновалась Люська. – Что за прощальный подарок?

– Кто знает? – пожал плечами Иваныч. – Должно быть, что-то ценное. Анфиса – она, как я уже сказал, с ба-а-льшими странностями.

– А Старкова знает о подарке, который в гроб положили?

– Знала бы, кабы сюда наезжала. Но она от родной дерев-

ни нос воротит. Москвичка, как же! Старковы дом новый отгрохали, в поселке для миллионеров. Я его не видал, но говорят хоромы. – Люська согласно кивнула. – А за старый Старковы хорошие деньги взяли. Участок на бойком месте, у дороги, по которой богатые в свой поселок ездят. Вот землю и выкупили под торговый центр. У них сорок соток было, у Большаковых. Аграфена, стало быть, неплохо нажилась. Господи, зачем ей столько денег?

– А почему у Большаковых одни девочки рождаются? – спросила Люська.

– Судьба, видать, такая. Не заслужил Платоша сына. Он и дочек-то не заслужил, – сердито сказал Юрий Алексеевич. И замолчал.

– А варенье у вас изумительное! – с энтузиазмом сказала Люська, облизывая ложку. – Никогда такого не ела!

– Так ведь ягода лесная. Отсюда и аромат, – улыбнулся Иваныч. – Хотите с собой баночку дам?

– Тогда и мы должны к вам с гостинцами приехать.

– А приезжайте. Мне, старику, одному скучно. Может, еще чего интересного расскажу.

Они переглянулись и стали прощаться. Люба поняла, что от варенья отказываться неловко. Выйдя из дома Иваныча, они, не сговариваясь, сказали:

– В магазин!

Купили всего самого дорогого: шоколадных конфет, кофе, сыра, копченой колбасы и баночку красной икры при-

хватили. Когда вернулись с подарками, Иваныч покраснел как рак:

– Это еще что? Я не нищий, мне государство пенсию платит.

– Возьмите, – взмолились они. – Это от чистого сердца.

Сумку с подарками удалось-таки впихнуть. Когда встали на курс и Люба прибавила скорость, Люська подвела итоги сегодняшнего дня:

– Значит так: надо искать Анфису. Ты подумай! Внучка Большакова чуть ли в два раза старше его дочери! Бывает же! Видать, старикан был не промах! Очень мне интересно взглянуть на эту Анфису!

– Полагаешь, кто-то, узнав о ее прощальном подарке папе, вскрыл могилу?

– А тут двух мнений быть не может. Полезли ночью, как воры. Девчонки неудачно зашли со своим селфи. Надо же! И роковой крест тут! Дунина могила! Кристина что-то засняла. Вот ее и... А, кстати, ты так и не сказала мне, как ее убили?

– Ей, похоже, подсыпали снотворное. Или сильный транквилизатор. Девушка потеряла равновесие, потому что перестала контролировать свое тело. А может, вообще заснула. На последних фото Кристины виден один из симптомов передозировки сильнодействующим препаратом. Этот симптом называется нистагм. Непроизвольные колебательные движения глазных яблок. Движения высокой частоты, нистагм, иначе дремота. Когда Кристина, открыв окно, обер-

нулась, видно, что ее глаза как бы заведены. Она почти спит. Но наличие в организме снотворного может подтвердить только вскрытие. Его, похоже, не делали по просьбе родителей. И потому что следовательно без колебаний вынес вердикт: несчастный случай. Девушка пыталась сделать селфи на большой высоте и сорвалась вниз. Это сейчас муссируется в СМИ. Нужна статистика. Вот видите, молодежь, до чего доводит ваше селфи.

– С ума сойти! Нам с тобой надо вскрыть две могилы! Первую, чтобы узнать, не залезли ли туда воры, а вторую, чтобы сделать эксгумацию трупа!

– Сначала надо договориться с родственниками, – вздохнула Люба. – Еще не понятно, с кем будет труднее: с Аграфеной или с Оксаной.

Глава 4

Родственников Платона Кузьмича взяла на себя Людмила. Отыскать какого-нибудь человека и собрать полную информацию о нем Апельсинчику было проще простого: к ее услугам был целый штат популярного ток-шоу. Люба не сомневалась, что уже на следующий день у них будет адрес Анфисы Платоновны. Остается навестить ее и раскрутить на откровенный разговор. Это уже Любина задача, как психолога. С подаренными ей ценностями Анфиса Платоновна вольна обращаться как ее душеньке угодно, но кража есть кража. А тут еще и убийство! Чтобы возбудить уголовное дело, нужна веская причина. Люба обо всех этих тонкостях знала от Стаса. Если младшая дочь Платона Кузьмича подтвердит, что прощальный подарок отцу исчез, значит, повод есть. И причина для того, чтобы убить Кристину тоже. Речь, судя по всему, идет о вещи баснословной стоимости, раз человек на это решился. На осквернение могилы и убийство.

Люба пока не понимала, как это связано с остальными жертвами селфи, с двумя парнями, один из которых разбился на мотоцикле, а другой пустил себе пулю в висок якобы случайно. Совпадение это или звенья одной цепи? Эх, был бы рядом Стас с его криминальным опытом! Но Стас сейчас был далеко. В Крыму. Поэтому Люба пока взялась за любителей экстремального селфи.

На этот раз Анастасия Петровна опоздала. Но сразу сказала:

– Извините.

И слегка подтолкнула в спину Алену. Проходи, мол. Люба поняла, что опоздали Галкины из-за дочери. Алена была похожа на своего питомца, чау-чау Басю. Такой же плюшевый медвежонок, себе на уме. Оставалось проверить, насколько он поддается дрессировке и умеет показывать зубы. По улицам Москвы ходили десятки тысяч таких вот девчонок: полноватых, на ногах кеды, за спиной болтается рюкзачок, уши заткнуты наушниками, а глаза не отрываются от дисплея смартфона. Что тут поделаешь? Экология дрянь, в продукты напихано черте что, на каждом углу «Макдоналдсы», в школе скука, в метро толпа, родители долдонят, учишь, а не то будешь после школы кричать: «Свободная касса!» А в Инете френды, фотки кумира, его новые песни, его интересная жизнь. И много чего еще. После визита Галкиной Люба невольно стала обращать внимание на таких вот подростков, чтобы попытаться понять: а что у них на уме? И что с ними происходит? Почему реальность потеряла для них интерес?

– Проходите, присаживайтесь, – с улыбкой сказала Люба.

– Че ты придумала, ма? – лениво протянула Алена, оглядывая кабинет, куда ее привели. – Че я здесь буду делать?

– Ты ответишь на вопросы Любове Александровны, – строго сказала Галкина. – Постарайся отвечать честно, ничего не утаивая.

– Да че мне утаивать? – Алена перекатила во рту жвачку. Люба заметила, что девушка постоянно косится на айфон, который держит в руке. Когда раздался сигнал, что пришла эсэмэска, Алена тут же дернулась, а ее мать строго сказала:

– Выключи его немедленно! Я тебе что велела?

– Че он мешает? – огрызнулась Алена.

– Да он тебе весь мир заменил! И родителей в том числе!

– Не надо выключать, – мягко сказала Люба. – Просто положи его на стол, Алена. Ничего интересного ты не пропустишь. Новости накопятся за время нашей беседы, и тебе весь вечер придется с этим разбираться. Будет не скучно.

Алена повеселела и положила айфон на стол прямо перед собой.

– Как часто ты делаешь снимки? – как бы невзначай поинтересовалась Люба.

– Ну, раз десять за день, – что-то прикинув, сказала девушка.

– Да десять раз в час! – вмешалась Анастасия Петровна.

«В следующий раз я попрошу, чтобы мы с девочкой остались наедине», – решила Люба. Алена на реплики матери не реагировала, все ее внимание сосредоточилось на лежащем на столе айфоне.

– Расскажи мне, что за человек была твоя подруга Кристина? – попросила Люба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.